

Отблески Этерны

Вера Камша

**Зимний излом. Том
2. Яд минувшего. Ч.1**

«Автор»

2007

Камша В. В.

Зимний излом. Том 2. Яд минувшего. Ч.1 / В. В. Камша —
«Автор», 2007 — (Отблески Этерны)

Свершилось. Принц-изгнанник Альдо Ракан коронован в городе, где некогда был предан и убит его предок. Ворон Рокэ, Повелитель Ветра, потомок предателя и опора династии Олларов – во власти нового государя. Его ждут суд и казнь. В этом не сомневается ни сам Альдо Первый, ни готовый шагнуть за сюзереном хоть в Закат Повелитель Скал, ни выбирающий между страной и другом, бывшим другом, Повелитель Молний, ни скрытный Повелитель Волн. Их четверо. Всегда четверо. Навеки четверо. Скованных невидимой цепью, но идущих разными дорогами. А отставших и отчаявшихся за поворотом ждет пегая кобыла – и это не самое плохое, что может случиться. Хуже, если древняя вестница смерти опоздает.

© Камша В. В., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Пролог.	5
Часть первая	15
Глава 1	15
1	15
2	17
Глава 2	22
1	22
2	23
3	26
Глава 3	28
1	28
2	30
3	33
4	35
5	37
Глава 4	39
1	39
3	43
Глава 5	46
1	46
2	47
3	49
4	50
5	53
Глава 6	56
1	56
2	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Вера Камша

Зимний излом.

Том 2

Яд минувшего. Часть первая

*Этой жизни нелепость и нежность
Проходя, как под теплым дождем,
Знаем мы – впереди неизбежность,
Но ее появления не ждем.*

*И, проснувшись от резкого света,
Видим вдруг – неизбежность пришла,
Как в безоблачном небе комета,
Лучезарная вестница зла.*
Георгий Иванов

Вы боитесь моих вопросов, господин обвинитель?
Георгий Димитров

Пролог.

Ракана (б. Оллария)

400 год К. С. вечер 2-го дня Зимних Скал

Ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор.
Франсуа де Ларошфуко

1

Бокал был не первым и даже не четвертым. Робер пил кэналлийское, словно какую-то касеру, не замечая ни запаха, ни вкуса, ни послевкусия. Что поделать, если лучшие вина и красивейшие женщины пьянят слабей беды и усталости... Франимские виноторговцы при виде того, как герцог Эпинэ глотает рассветную влагу, попадали бы в обморок или схватились за ножи, Марианна мило улыбалась. Она не была в Доре! Робер сжал зубы и налил себе еще, потом спохватился и наполнил бокал хозяйки. Баронесса улыбнулась.

– Вы все же вспоминаете обо мне, это радует.

– Кто вас видел хотя бы раз, тот вас не забудет, – соврал Эпинэ, заливая чужую смерть и собственную ложь «Черной кровью».

– Герцог, – Марианна гортанно расхохоталась, – эти слова не вызовут сомнений только у юной северяночки. Не забудьте угостить ими девушку Окделл.

– Она в Надоре. – Проклятье, о невесте так не говорят. А как говорят? С любовью? Но влюбленные женихи не врываются на ночь глядя к куртизанкам. Ничего, невлюбленные

женихи тоже не редкость. Эпинэ хлебнул «крови» и нашелся: – Сударыня, когда моя невеста вернется, я стану уделять ей столько времени, сколько потребуется, но сейчас я у ваших ног.

– Вы истинный рыцарь, маршал, – красавица с осуждением глянула на перевязь со шпагой, брошенную Робером на оранжевую софу, – кладете между собой и дамой меч.

– Времена рыцарей прошли. – Эпинэ допил и спровадил шпагу на пуфик, золотистый, как шкура Дракко. Голова наконец соизволила закружиться; чуть-чуть, но и это было подарком. – Времена рыцарей, но не прекрасных дам!

– Теперь вы клевете. На себя. – Баронесса Капуль-Гизайль грациозно пересела на освобожденную от орудия убийства софу. Качнулись, поймав огонек свечи, длинные серьги, в вырезе лимонно-желтого платья вызывающе алела роза. Осенняя женщина, осенняя комната, осенняя ночь, то есть уже зимняя...

– О чем вы думаете? – В глазах Марианны плясали свечи, пахло цветами и духами. Здесь тепло и спокойно, а из городских ворот вторую ночь выползают закрытые мешками фуры, полные покойников. Мешков не хватает, фур тоже, из-под кое-как наброшенных тряпок вываливаются руки, ноги, головы. Жуткие лица истоптаны, измазаны засохшей рвотой, забуревшей кровью, какой-то пеной. «Погибших хоронит корона»... Хоронит или прячет?

– Я забыл извиниться за позднее вторжение. – Эпинэ поцеловал мягкую, благоухающую вербеной ручку. – Но зима не лучшее время для одиночества.

– Лучшего времени для одиночества не бывает, – улыбнулась госпожа Капуль-Гизайль, переплетая розовые пальчики с пальцами Робера, – а оправдание у мужчины одно – усталость, но его еще нужно заслужить. Вы готовы?

Готов, иначе зачем бы он пришел в этот дом? Маршал Эпинэ больше не в силах думать о бредущих меж серых стен горожанах с вожаками и пустыми лицами. И о забитых досками позорных ямах. Доски не выдерживали, ямы становились могилами, наполнялись доверху телами, на которых стояли люди. На уже мертвых и еще живых...

– Сударыня, вы часто вспоминаете своих... своих друзей? – На то, чтоб забраться в чужую постель, его хватит. Забраться и забыть о задавленных, задохнувшихся, сошедших с ума.

– Иногда вспоминаю, но не тогда, когда у меня гости. – Женщина улыбнулась и тронула цветок на груди, Эпинэ вновь поднес ручку с роскошным венчальным браслетом к губам. Кто купил ей браслет? Муж? А кто купил мужа и титул?

– А ваш супруг? – Можно подумать, герцогу есть дело до маленького барона. И можно подумать, маленький барон не знает, откуда в его доме берется золото. – Он помнит ваших гостей?

– О, – красавица томно вздохнула, – только самых близких. Им Коко дарит морискилл, а своих питомцев он никогда не перепутает и не забудет, кому они достались. У вас тоже будет птичка.

– В самом деле? – Робер не отказался бы помнить лишь крыс и лошадей, но как забыть Мильжу, гоганского мальчишку, дочек Эммы Маризо?! Их все-таки нашли, в тех самых ямах. – Здесь кто-то есть?

– О да, – подмигнула баронесса и легонько причмокнула алыми губками.

Из-за расшитой бабочками-фульгами занавески выскочила левретка, повела узкой мордочкой, вильнула хвостом, приветствуя очередного полухозяина. Марианна рассеянно погладила любимицу.

– Ее зовут Эвро.

– Вот как?

Сюзерен только что учредил орден Эвро. Кавалеры Эвро. Левретки его величества... Робер не выдержал, усмехнулся и тут же был вознагражден.

– Ваши воспоминания, монсеньор, без сомнения, богаче моих. – Нежные пальчики коснулись алых лепестков. – Расскажите что-нибудь бедной затворнице, ведь вы так много видели...

Видел. Ноги и обрывки цепей, торчащие из-под принесенной Вирой скалы. Кровь и вышибленные мозги на мраморе у камина. Добротню одетую горожанку с измятым каблуками лицом и вырванными косами, она еще жила, запрокидывала голову, пыталась дышать, а по лбу, щекам, глазам топтались невольные убийцы.

– Сударыня, то, на что я смотрю сейчас, много прекрасней того, что я встречал за пределами вашего особняка.

– Герцог, вы удивительно немногословны, а ведь вы южанин.

Даже южанин не расскажет, как из превратившейся в смертельную ловушку канавы вытащили восьмерых мертвецов и одного живого. Бедняга ничего не понимал и только просил пить. Снизу и сверху была смерть, а он выжил. Маленький кашляющий человечек в ученой мантии, чем-то похожий на похудевшего Капуль-Гизайля.

– Вы больше не пьете? – В черных глазах отражались рыжие огоньки, превращая женщину в фульгу. – Вам надоела «Кровь»? У меня есть и «Слезы».

Леворукий, как же ему надоели настоящая кровь и настоящие слезы, но куда денешься?

– Я уже пьян, сударыня, – выдал желаемое за действительное Эпинэ, – пьян и счастлив.

Славный барон любит птиц, его жена любит мужчин. Или не любит, какое это имеет значение. В будуаре пахнет вербеной и померанцами, здесь можно не думать, а пить и еще целовать выпирающие из золотой пены плечи.

– Если вы пьяны, поставьте бокал, – потребовала Марианна.

– Непременно, – пообещал Робер, – но не раньше, чем выпью за ваши прекрасные глаза.

Никола сбросит трупы в карьер Святого Павла, ему не в первый раз. Гоганы и мулы остались у леса Святой Мартины. Святой Павел, святая Мартина, святая Октавия, святая Дора, что скажут они осквернившим их имена погромами и убийствами?

– Только за глаза? – Марианна быстро облизнула губы. – А мне казалось, вас больше занимает... роза.

– Она и впрямь прекрасна, – подтвердил Робер, проглатывая вино, – а ее... ложе достойно ее красоты.

– Наконец-то вы сказали нечто приятное, – одобрила баронесса. – Мне ничего не остается, как подарить эту розу вам. Возьмите ее... Пока она не увяла.

Золотая с алмазной пылью брошь расстегнулась легко, ей часто приходилось это делать. Освободившийся цветок упал на затканый незабудками простенький коврик, Робер нагнулся за подарком, но затянутые голубым шелком стены пошли волнами, и Повелитель Молний глупейшим образом свалился с софы под жемчужный женский смех.

– «Черная кровь» полна коварства. – Марианна протянула гостю руку, и Робер честно за нее ухватился. Слишком честно, потому что прелестная баронесса оказалась на роскошном холтийском ковре рядом с пьяным гостем. Гость извинился и принялся собирать рассыпавшиеся ландыши. *Жаль вазу, но завтра он пришлет другую, серебряную, ее не разобьешь.*

– Вы порезались? – Дрожащий, полный ужаса голосок. Глупышка никогда не видела настоящих ран.

– Сударыня, я готов отдать вам всю кровь, а не жалкие четыре капли.

– Не шутите так, если с вами что-то случится, я... Я не смогу жить!

– Со мной ничего не случи...

– Робер! Робер, вам плохо?

Золотистый ковер, черноволосая женщина с широко открытыми, подведенными глазами. Марианна Капуль-Гизайль... Он напился, и баронесса подарила ему красную розу. Вот эту! Он напился, потому что хочет забыть Дору. И забудет, хотя бы до утра.

– Сударыня, как это ни прискорбно, я все-таки пьян. – Иноходец поднял злополучный цветок, он ничуть не пострадал, а вот рукав отчего-то сделался черным, а раньше был красным. Робер это помнил совершенно точно. Красным, обшитым золотом, нелепым и вызывающим, ничего другого в праздник Повелитель Молний надеть не может.

– Робер, – баронесса силилась улыбнуться, но в глазах черными бабочками бился страх, – что с вами?!

– Кто здесь? Кто здесь, кроме нас? Там, за портьерами?

– Только Эвро... Мы одни, клянусь вам.

С комнатой все в порядке, она по-прежнему золотистая, а рукав – алый. За портьерой возится левретка, в руках у него роза, а не ландыши. Откуда взяться ландышам в Зимний Излом?

– Почему вы молчите? Что-то случилось? Что-то плохое?

– Говори мне «ты». Только «ты», договорились?

– Мне страшно.

– Не бойся. Я сумею защитить тебя.

– Но не нашу любовь. Они никогда не согласятся, никогда!

– Нам не нужно ничье согласие, мы будем вместе.

– Или умрем.

– Умрем? Нет, маленькая, мы будем жить вечно. Что с тобой?

– Холодно... Окно в спальне, я закрою.

– Боишься замерзнуть?

– Я боюсь потерять тебя. Ты pomoжешь мне закрыть окно? Его надо закрыть, надо...

– Я не войду в спальню своей невесты до свадьбы. Лучше я закрою дверь.

Двустворчатая дверь со смешными пляшущими человечками, ручка в виде цветочной гирлянды, голубые портьеры... Голубые? Золотые с алыми бабочками!

– Сударыня, что за этим занавесом? Дверь?

– Ложная... Успокойтесь, Коко в отъезде, и он не ревнив, а Эвро я заперла.

– Там двустворчатая дверь, и за ней кто-то есть.

– В моей спальне? Вы шутите! – Хозяйка звонко расхохоталась, вскочила и отдернула занавес. Закатным пламенем сверкнули бабочки-фульги, в окно ударил пахнущий сиренью ветер.

– Смотрите, герцог!

Однустворчатую дверцу украшают виноградные гроздья, костяную ручку-шар поддерживают белые кошачьи лапки с золотыми коготками.

– Первый маршал Талигойи удовлетворен?

– Дверью – да, – лучше казаться пошляком, чем сумасшедшим, – но не в двери счастье.

– Тогда вам следует съесть этот персик! Надеюсь, в моей спальне кто-то и впрямь будет.

И этим «кем-то» станете вы.

Золотистый пушистый шарик в розовых ручках, лукавая улыбка, тихий смех.

– Сударыня, персик хорош, но вы – прекрасны!

– Я знаю...

Розовые губы пахнут земляникой, в фиалковых глазах тает весенняя ночь. Они впервые вместе. По настоящему вместе, одни, не считая весны и ландышей. Он нашел свою девочку в окошке и не выпустит даже на мгновенье. Родня переживет, и король переживет, и весь мир, а кому не нравится, могут убираться к Изначальным Тварям.

– Есть в этом доме что-то, без чего ты не можешь жить?

– Ты... Только ты... Я не могу без тебя!

– Тогда идем.

– Куда?

- Разбудим какого-нибудь клирика. Завтра я представлю ко двору свою супругу.
- Так сразу? Я никогда не смогу. Отец...
- Отец простит, ему ничего не останется. Ты пойдешь или понести тебя на руках?
- Пойду... Только... Ты не смейся, но я надену другое платье. Я быстро...
- Ты, и в этом лучше всех.
- Старое платье – дурная примета.
- Ты справишься или позвать Тирзу?
- Не надо Тирзу... Создатель!

Треск за спиной, живое, трепещущее тепло у плеча, сдавленный крик. Закатные твари, их все-таки выследили.

- За меня! Слышишь, за меня! Быстрей!

Распахнутые створки, сорванное голубое полотнище, опрокинутый столик, перевернутая шкатулка с бисером. В дверях – десяток человек с обнаженными шпагами. Лица под масками, но одежду и осанку не спрячешь. Это не висельники, это дворяне. Родичи или заговорщики? За ней или за ним?

– Доброй ночи, господа. Как вас много... Молчат и готовятся, молчат и прячут голоса, но второй слева знакомо сутулится, а тому, кто рядом, не хватает ладони роста. Даже с каблуками. Родичи оказались заговорщиками, а заговорщики – родичами.

- Вы отказываетесь здороваться? Вы невежи или все-таки трусы?

Шаг вперед и в сторону, поклон, улыбка, родное тепло за спиной. Старое платье – «дурная примета», но мальчика будет жить! Значит, к Леворукому отправятся убийцы, сколько б их ни заявилось.

2

Перед глазами – шелковые бабочки, в руке – обнаженная шпага. Бред! И вино тут ни при чем, он не пьян, до такой степени не пьян, что самому странно. Бедная Марианна, такого гостя у нее еще не было.

– Герцог, полагаю, я просто обязана подарить этих мотыльков вам. Вы без них просто жить не можете.

- Сударыня, прошу меня простить.

Нужно засмеяться, вложить клинок в ножны, налить вина, сказать что-то куртуазное, только почему внутри все кричит об опасности? Почему чудятся ландыши и лиловые глаза?

- Вы не знаете, здесь кого-то убили? – Теперь его точно прогонят, и поделом!

- В этом доме? – не поняла хозяйка. – Когда?

- Весной. – Что за чушь он несет? Ему точно пора в сумасшедший дом.

– Весной? – Баронесса улыбается из последних сил; она испугана, и красавицу можно понять: сумасшедший в спальне – это неприятно. – На моей памяти нет, но, Монсеньор, вы так и не съели персик.

– Я искуплю свою вину. – Взбунтовавшиеся пальцы нипочем не желают отпускать эфес, улыбка на личике Марианны застывает, превращается в маску, сквозь золото стен рвется голубизна.

- Робер, ну что же вы...

Шаг, но не к женщине на ковре, а назад, к двери, и она распахивается. На самом деле. С треском. Люди в масках топчутся на пороге, сжимая шпаги и дубины...

Наступают полукругом, медленно, с опаской, хотят взять в кольцо... А луну вы случайно не желаете? А солнце?

Кресла, столик, цветы в вазе... Как кстати! Воду в глаза первому, вазу в грудь – второму, и вперед. Удар, и еще, пока не опомнились! Не убил, но задел! Обоих... А теперь назад.

Три шпаги бьют в пустоту. Что теперь? Ага, задумались, сбились плотнее. Пока мнутя – мальшику в угол. Не надо меня держать! Не надо! Обернулся, успел... Кресло – в ноги тем, кто посредине, сам в сторону и вперед. Сбить в кучу, отвлечь. Скатерть... Намотать на руку, пригодится.

Мы выживем, родная, выживем, Леворукий нас поберет! Назло твоим дядьям и моим «друзьям»!

– Сударь, мы, кажется, где-то встречались?

Ждать удара глупо, полиага вбок и в атаку.

Взмах скатертью и укол. Из-под нее – в грудь. Есть! А вы предсказуемы, господа! Предсказуемы, как нищие на ярмарке. Стягиваете кольцо? Ну-ну... Пируэт, левой – отмахнуться от ближайших клинков, еще и портьеру на них... Сапоги топчут ландыши... а теперь еще и чью-то ступню. Сейчас твой черед... Есть... Второй! Передай привет Карлиону!

Эпинэ с силой выдернул шпагу из тощей груди. В лицо плеснула чужая кровь, Иноходец отпрянул. Там, где он только что был, пролетела дубина. Среди хрустящих осколков кто-то корчится, зажимает лапой брюхо. Лэе Астрапэ, он же только что вскочил. Когда он успел? Как?!

Труп на ковре, умирающий в углу, под ногами кровь, вино, фрукты... Марианна вжалась в стенную нишу, на лице – ужас. А дверь оказалась настоящей... Не знала?

Пыхтение убийц, острый запах боя и страха, в голове грохочут кагетские барабаны, левое плечо саднит, зацепили-таки. Ерунда, царапина! Сколько их тут? На ногах четверо... Это здесь, в будуаре, а в доме? Слуг нет, иначе бы прибежали. Ни слуг, ни мужа, только убийцы и левретка.

Комнатка маленькая, не побегаешь, нужно уходить. Через другую дверь. Хватать баронессу и уходить. Четверо на одного не так уж и много.

– Марианна! Сюда, быстрее!

На бледном лице удивление и страх. Не перед разбойниками – перед ним!

– Баронесса!

Двое с дубинками, двое со шпагами, лиц нет, вместо лиц – тряпки. Не дворяне и даже не солдаты, а так, отребье, грабители с улиц... По одиночке – дрянь, вместе – стая. Ничего, четверо не дюжина! Жаль, спальня так высоко, а то бы высадить окно и на улицу.

– Марианна, за меня! Прячьтесь за меня!

Стройная жилистая фигура двинулась вдоль стены. Шпагу держит как положено, серая куртка, серая маска... Главный? Его нужно убить, и остальные разбегутся. Может быть...

– Габриэль, осторожней. Осторож!.. Леворукий, только не это! Что угодно, как угодно, только не это!

Скользкий удар по голове, несильный, глупый, женский... Отбить удар, обернуться... Марианна, но за что?!

И это высокие чувства и великие дела? В смысле – восемь на одного. А могло быть и двадцать, но разговор будет потом. Хороший разговор, большой, а сейчас – вырваться. Пока нет ран...

Визгливо взвыла Эвро, стройный разбойник перескочил через опрокинутый пуф, за ним метнулся второй, с дубиной, третий зачем-то рванул к трюмо.

Скользнуть за чужую спину... и ударить в нее. Вы не хотели дуэли, господа, и не надо! Получайте убийство!

Бюро, осколки от вазы, запертая дверь, хорош! Сюда, Габриэль, сюда! Споткнулся? Ну так падай! Под ноги приятелям. Слева в шею – отвели, скатерть пока спасает... Упавшего – носком сапога в висок, так быстрее.

Господа задумались? Еще бы, четыре трупа способствуют размышлениям... Здесь все? Вряд ли! Кто-то на лестнице, кто-то у двери, вопрос – сколько... О, еще один смельчак! Не повезло...

Парировать... Еще раз, и еще, терция, перевод... Какой, однако, бойкий раненый... Был! Отступили, теперь перевести дух и вперед... Эта рана вряд ли заживет, но за что? За что?! Нашел время думать, выживешь – разберешься!

Вторая дверь! И вторая компания, еще гаже первой. Десятка полтора! Весело, и дверь завалили шкафом, соображают. Значит, назад, в обитель любви. Уклон, отвод левой, вращение; эфесом – в лицо, нырнуть под руку, этого – в голову, этого – каблук в колено... Еще один готов, но двадцать шагов слишком даже для отца.

Не замирать, мы танцуем, танцуем «райос». Неужели не вырваться? Похоже на то! Сутулый, кто бы ты ни был, проваливай в Закат!..

Иноходец сам не понял, как шарахнулся в сторону и кувырком ушел из-под набрасываемой сети, тело слушалось так, словно в него не влили ни стакана... Они что, хотят взять живьем?! Робер перескочил через пуф и развернулся к ловцам. Один сзади, трое спереди, то есть двое...

Плечо! Квальдэто цэра, достали-таки! Мерзко, но это еще не смерть. Не его смерть! Зато это твоя последняя удача, погань!

– К двери! Уходит!

– Сюда, все сюда!

– Леворукий!

Какой же он Леворукий, он просто переложил шагу... Проклятое плечо, но до смерти еще дюжина чужих. На меньшее он не согласен.

– Осторожней, Ксавье! Во имя Создателя... – Этого покойника звали Ксавье...

Шага тяжелеет, глаза заливают пот, голубые стены розовеют и крутятся, крутятся, крутятся вместе с безликими крысами. Откуда здесь крысы?

– Скорее, ну скорее же!

– Берегись!

Поздно беречься. Тебе поздно... Кошки с ней, с этой любовью! Была бы жизнь, остальное приложится. Его ждут, он должен вернуться в Торку! Или хотя бы избавить мир от десятка мерзавцев, жаль, мелких...

Уходить все труднее, под ногами трупы, сколько же их? В бою с мертвыми прощай, в настоящем бою... Обожгло спину... Уклон, шаг вбок, горло открыто, коротышка! Он попался, но он не один!

– Я еще могу убивать, слышите, вы?! И я буду!..

Робер перепрыгнул через скребущее золотой ковер тело, увернулся от брошенного кувшина и вышиб наконец дверь. Четверо отлетели вглубь комнаты. Снова четверо!.. Маленький, большой и двое так себе. Тоже в масках. Переглядываются, но вперед идут. Что им нужно? Вряд ли деньги. Может, заговорить? Лэйе Астрапэ, вдруг...

Старое, новое, забытое, знакомое. Тени мечутся, но звука нет, звук куда-то делся. Кто жив, а кто уже в Закате? И где он сам? Лечь бы сейчас. Или прислониться к стене. На минуту, на миг, закрыть глаза и прислониться... Нельзя – остановишься, и конец. Ты убит, дружок, убит, с такими ранами не живут, но пока не упал, пока дышишь, дерешься, ненавидишь, ты есть!

А вот этот без маски, потерял... Так и есть... Брат... Несостоявшийся... Ладно, какая разница!

Чужой клинок глухо стукнул о гарду. Звук вернулся – глухой, ватный, но и на том спасибо. Выпад с четвертой... Рука сама парирует. Круговое движение, атакующий клинок уходит вверх. Перехватить чужую рапиру, задержать на мгновение, теперь – в горло. Опять

кровь... Опять в глаза... Плечо горит, правая совсем онемела, зря он схватил клинок. Некогда жалеть, некогда!

Отводя предплечьем чужую шпагу, крутануться и с разворота – рукоятью в висок. Продолжая вращение – принять на гарду удар следующего, ногой по чужому колену, и дальше, дальше – так танцуют со звездами. Не останавливаясь, уходя от тех, что сзади, – только не мешкать, иначе достанут, – пройти плечистому за спину... Проклятье, не успел ударить, но некогда... Ритм, держать ритм... полоснуть по мелькнувшей сбоку маске и дальше, дальше, не глядя, попал или нет... Если б не рана...

Промахнулись сразу двое... Ложный удар, поворот, одним движением запястья шпагу вниз, вбок! Клинок вязнет в чем-то... в ком-то, вязнет и вырывается из рук, все плывет, ничего не видно... Нужна шпага, хоть какая-нибудь! Или нож. У Ксавье в спине медвежий кинжал, но где он, этот Ксавье?

Живчик с длинным ножом мешком рухнул на порог, двое уцелевших разбойников переглянулись и с топотом ринулись вон, навстречу выстрелам и грохоту. Кто-то пришел? Надо же... И где Марианна?

Туман все краснее и краснее, прямо закат какой-то. Жаль, рассвета не увидать, нога скользит, что-то, звеня, отлетает в сторону. Рапира! Неважно чья, только бы поднять. Голубое и алое мчится к глазам, рука влетает в теплую лужу...

– Упал!

– Слава Создателю!

– Быстрее!

Кто упал? Пальцы сжимаются на липкой рукояти, перед глазами серые сапоги, над ними – штаны, камзол, руки и клинок, выше не разобрать. Стальное острие выползает из тошнотворной мути, висит, плывет вниз... Перекатиться по испятнанному коврику, не выпуская эфеса, и ударить. Снизу вверх. Враг без плеч и головы отшатывается, зажимает живот, шпага падает, надо подобрать... Взять и подняться.

Красная струя, красные брызги, роса на красных лепестках, гранатовые рожи на склонах, алые рожи Алвасете. Ветер путает волосы, зеленые прозрачные волны обнимают скалы... Утром его найдут. Если хозяева не позаботятся спрятать трупы. Им придется много носить...

Робер, не выпуская шпаги, прислонился плечом к изящному трюмо, «украшенному» несколькими большими зарубками. Болела рука, ныли спина и колено, во рту было солоно от крови, рубаха насквозь промокла, но серьезных ран вроде не было, разве что в очередной раз принялось кровить запястье.

Десяток уже в Закате, на остальных не хватит сил. На всех, но эскорт у него будет!

– Кто хочет... прогуляться... к Леворукому... приглашаю... Ты?

Знакомая манера – сделать вид, что локоть не закрыт. Карл, и этот здесь! Думает, я туда и ударю?

– В глаза! Смотри в глаза, тварь!

Смотрит, а куда он денется? Смотрел... Метнули кинжал, и удачно, но сердце все еще бьется, а клинок звенит. Эве рэ гуэрдэ сона эдэрьенте... Он еще утянет за собой одного, а лучше двоих. Нет, троих! И ни мерзавцем меньше.

Шороха за спиной Иноходец не услышал, просто тело само собой развернулось, и Повелитель Молний оказался лицом к лицу с двумя громилами и пистолетным дулом. Времени на раздумья не оставалось, и Робер нырнул в ноги разбойнику с пистолетом. Словно в омут.

Красно-серые волны, качающаяся палуба. «Каммориста»? Откуда... «Каммористы» больше не будет. У тебя не будет, а у других будет все, и пусть! Пусть живут! Твоя смерть – она ведь только твоя!

Сколько можно топтаться... Смешно, но они хотят жить, потому и медлят. Знают, что троим не вернуться. Или четверым? Нет, четверых не взять, рука совсем плоха, и ноги не держат. Закатные твари, что там еще?

– Леворукий!

Опять... Сколько можно?

Как жарко. Что-то горит или пришло лето? А пол все-таки качается. Качка, жара, красное марево, кастаньеты, как же они трещат! И еще барабан. Зачем привели музыкантов? Глупо...

Убийца без лица спиной вперед влетает в комнату, валится у порога, что-то круглое подскакивает вверх, катится по полу. Голова... Голова в маске... Хлещит кровь, сколько же ее тут пролилось. В красно-черной дыре ночным факелом вспыхивает фигура. Высокая, яростная, словно сорвавшаяся с проклятой картины. Бешеное лицо, в руке – меч. Не ипага, не сабля – меч, и на нем кровь... Клирики не ввали, Он все-таки есть! И Он пришел.

3

– Монсеньор! Монсеньор, вы целы?

Офицер-пехотинец. Незнакомый, и откуда только взялся? Упрямый подбородок, хмурый взгляд, сзади – солдаты.

– Господин Первый маршал, это вы... Вы сражались один?

Кровь, вода, смятые истоптанные цветы, тряпки, осколки и трупы. Кровь, уже не алая, загустевшая... Парусами надуваются занавески, роятся, жужжат дорвавшиеся до смерти мухи, а в голове даже не жужжат, воем. Ничего не понять, не вспомнить, но столько он убить не мог. И выжить не мог, с такими ранами не живут, но дыра в животе исчезла, правый бок тоже цел. А спина?

Рука не желает подчиняться, с плечом, по крайней мере, он не ошибся. Так, сведем лопатки. Вдохнем... Ничего! Неужели примерещилось, но мертвецы – вот же они! Он не мог перебить всех. Половину, да, половину он положил, но остальные его почти добились.

– Один... – Эпинэ, словно вынырнув из омута, ошеломленно оглядел дело рук своих. Полдюжины тел валялись вперемешку с раздавленными фруктами и битыми вазами, а он ничего не помнил, то есть помнил какую-то муть с ландышами и Леворуким.

– Монсеньор! Вы целы? Ответьте! – Это не мухи, это скулит собачонка. Разве у НЕЕ была левретка?

Пальцы в крови, отвратительно-липкие, вокруг ногтей черно-красная кайма, у самого лица тело без головы. Из растянутого воротника выглядывает шея. Кровь вытекла, осталось мясо, кости да какие-то слизистые дырки. Как у курицы, только большие... Сквозь тающее кровавое марево проступают женские глаза. Испуганные, огромные, черные – Марианна! Забилась в угол, бессильно опустив руки. Платье залито то ли кровью, то ли вином, волосы растрепаны. Чей она враг, его или Альдо? Чей друг?

– Грабители. – Робер поймал встревоженный взгляд офицера. – Сюда ворвались грабители. Помогите мне.

Дойти до кресел он может и сам, но этого мало. Нужно собраться с мыслями, перевязать запястье и дурацкую царапину на плече, добраться до дома и лечь, иначе он околеет.

– Вам нужен врач, – подает голос баронесса, – и вам нужно лечь!

– Потом! – В этом доме он не уснет даже под охраной, и дело не в убийцах. – Теньент... Назовите ваше имя.

– Льюис Грейндж.

Парень полон рвения. Хороший офицер, но лучше б сюда явился какой-нибудь болван.

– Вы из Надора?

– Из Корды.

– Я там бывал. – Тошнота подкатывает волнами, в которых барахтаются Марианна, тенъент Грейндж, левретка Эвро...

– Мой маршал, умоляю, вспомните, что произошло. – Этот не отцепится, он и сам бы не отцепился. – Нужно найти преступников.

– Я мало чем могу помочь. – И я не хочу вам помогать. – Возможно, госпожа баронесса заметила больше. Мы... ужинали и беседовали. Потом залаяла собачка, я не обратил внимания... Госпожа Капуль-Гизайль настояла, чтоб я проверил, я взял шпагу, и тут они ворвались.

– О, – прошептала Марианна, – это было так ужасно... Вас могли убить!

Могли, но не хотели, и об этом, сударыня, мы еще поговорим, но позже. Сейчас Первый маршал Талигойи ничего не соображает.

– Сударыня, – Эпинэ поймал бархатный взгляд, – все обошлось. Постарайтесь вспомнить, что можете, потому что я НЕ УСПЕЛ НИЧЕГО РАЗГЛЯДЕТЬ.

– Спасибо, герцог... Я обязана вам больше чем жизнью. Тенъент, я, увы, не очень наблюдательна. Грабители вбежали через дверь, которую я всегда считала ложной.

– Неприятное дело, – насупился тенъент. – Не хочу вас пугать, сударыня, но, боюсь, разбойников в дом впустили. Как давно живут в доме слуги?

– Личные слуги нам преданы, – щеки Марианны слегка порозовели, – но на кухне и на конюшне люди часто меняются. О них лучше говорить с моим супругом...

– Без сомнения, сударыня. – Грейндж хотел докопаться до сути, но Робера это никоим образом не устраивало.

– Господин тенъент, – похмелье, усталость и боль словно с цепи сорвались, в голове гремел настоящий оркестр, – проводите меня домой, мои люди сейчас заняты. Что до грабителей, то это в ведении гражданского коменданта Оллари. Герцог Окделл – добрый знакомый... барона Капуль-Гизайля. Без сомнения, он сделает все от него зависящее, а мы с вами – военные, а не стражники.

– Да, монсеньор. – Лицо офицера стало виноватым. – Но не лучше ли пригласить врача сюда?

Если он не встанет сейчас, он не встанет до вечера, но нужно уйти и увести солдат. И еще получить несколько часов покоя. Без потайных дверей, королей, левреток и разбойников. Коронация, приемы, Дора, головорезы в масках... Это слишком для одного человека.

– Тенъент, вам доводилось перевязывать раны?

– Конечно, Монсеньор, – заверил офицер.

– Я могу помочь, – вызвалась баронесса Капуль-Гизайль. – Если я не упала в обморок раньше, не упаду и сейчас.

– У вас есть корпия, чистое полотно и хлебное вино? – осведомился Грейндж.

– Разумеется. – Баронесса, бестрепетно перешагнув через труп, скрылась за дверью. Той самой, которой якобы не было. Тенъент проводил женщину восхищенным взглядом. Славный парень, но как же невовремя он явился!

Робер стиснул зубы и положил многострадавшую руку на столик для фруктов. Снимать обручальный браслет – дурная примета, но иначе не получится, и потом, их с Айрис помолвка – просто уловка. Эпинэ закусил губу и глянул на окровавленное золото. Надорский герб и имя невесты исчезли, на гладком золотом обруче отчетливо проступал знак Молнии. Такой же, как на отобранном истинниками браслете Мэллит.

Часть первая «Мир»¹

*Чтобы вступить в заговор, нужна непоколебимая отвага, а чтобы
стойко переносить опасности войны, хватит обыкновенного мужества.
Франсуа де Ларошфуко*

Глава 1 Ракана (б. Оллария) 400 год К. С. Утро 3-го дня Зимних Скал

1

Степь горела, над иссохшими мертвыми травами стелился остро пахнувший дым, ел глаза, забивался в нос, в горло. Полный пепла ветер гнал пламя прямо на Ричарда. Мимо юноши, спасаясь от огня, мчались, летели, бежали, ползли степные твари, а Ричард стоял над упавшей Соной, глядя в отчаянные лошадиные глаза, не в силах ни бросить мориску, ни подарить ей последний выстрел.

Сона захрапела, силясь подняться. Куда там, нога была безнадежно сломана, кобылу пришлось бы пристрелить, даже окажись они в королевском парке.

Справа что-то прошелестело: ызарги, целая стая, родные братья выползших позапрошлой осенью из полыхавшего краснойгодника... Тогда огонь спас от мерзких тварей погибших птиц, теперь укроет сперва мориску, а потом и ее хозяина – пешком от пожара не уйти, так стоит ли длить агонию?

– Монсеньор! Монсеньор! – Из горячего марева вынырнуло встревоженное лицо. Джереми!

– Что случилось? – Дикон быстро сел на постели. – Пожар?

– Пожар? – удивился слуга. – Нет, монсеньор. Напали на герцога Эпинэ.

– Убили? – Ричард схватился за одежду.

Только не это! Робер должен жить, должен поверить в победу, научиться радоваться. Если он мертв, это несправедливо! Несправедливо и подло!

– Господин Первый маршал ранен. – Камердинер поднял свалившийся пояс и с поклоном подал хозяину. – Возможно, монсеньор захочет выслушать офицера, который привез известие?

– Конечно, – почти выкрикнул юноша, – где он?

– Я его проводил в Ореховый кабинет.

Ричард взмахнул гребенкой, приглаживая вздыбившиеся вихры, и, на ходу застегивая камзол, выскочил из спальни. Бедный Иноходец! Вчерашнее раздражение растаяло, сменившись чувством вины. Неужели их последней встречей станет ссора? Святой Алан, только бы обошлось!

¹ Высший аркан Таро «Мир» (Le Monde). Карта указывает на успешное завершение чего-либо (достижение последней ступени), успех (в том числе материальный), обретение высшего знания, достижение гармонии с миром. **Перевернутая карта** предвещает крупную неудачу, невозможность добиться желаемого, отсутствие результатов, застой, отсутствие способности или возможности развития, невозможность разрыва сжимающегося вокруг вопрошающего круга.

– Господин цивилиный комендант, – худощавый невысокий офицер, явно не южанин, четко отдал честь, – тенъент Грейндж. Явился по распоряжению Первого маршала Талигойи.

По распоряжению? Уже легче. Если Робер может распоряжаться, он хотя бы в сознании.

– Рана опасна?

– Первый маршал легко ранен в плечо. К сожалению, во время боя открылась старая рана на запястье, началось кровотечение.

Плечо и запястье... Судьба вновь смиростивилась над последним Эпинэ, но везение не может быть вечным. Иноходец болтается по городу почти без охраны и не носит даже кирасу. Альдо ему говорил не раз и не два, но Робер вбил себе в голову, что он дома. Как же! В Оллари из-за каждого угла или выстрелят, или нож метнут... Ричард огляделся, в глаза бросился франимский кувшин.

– Хотите выпить? – Он не станет больше злиться на Робера, чтобы тот ни говорил. Иноходец потерял семью и восемь лет прожил в шкуре загнанного зверя, чего удивляться, что он на всех рычит, но это пройдет.

– Благодарю, – офицер лихо щелкнул каблуками, но на лице проступило сожаление, – мое дежурство еще не окончено.

– Тогда шадди, – решил Дикон и дернул звонок. – А теперь садитесь и рассказывайте. Подробно. В каком состоянии вы оставили маршала и где?

– Я доставил его в особняк Эпинэ. По его приказу. На пороге Первый маршал потерял сознание.

– Потеря крови?

– Лекарь говорит, обычная лихорадка. Первый маршал явился к господину Капуль-Гизайлю, уже будучи больным.

Робер приходил к Марианне?! Тогда он точно не в себе. Иноходец чурался женщин даже в Сакаци, а ведь красотка Вица ему только что на шею не вешалась. Айрис не заслуживает такого мужа, но когда это счастье улыбалось достойным?

– Отвечайте по порядку. Где на герцога напали? Когда? Кто?

– На монсеньора напали в доме барона Капуль-Гизайля. Хозяина не было в городе, баронесса предложила гостю ужин...

– Вы хотите сказать, все произошло в доме Капуль-Гизайлей?!

– Да, – подтвердил офицер, – убийцы ворвались через дверь, которую баронесса считала ложной. Видимо, их впустил кто-то из слуг. Если б не левретка, господина маршала застигли бы врасплох.

– Сколько их было?

– Человек восемь или девять. Четверых монсеньор уложил на месте, одного смертельно ранил, остальные бежали. Двое выскочили прямо на нас, мы их взяли, но негодяи ничего не знают. Обо всем договаривался вожак, а ему удалось удрать.

– Сторонники Олларов или кэналийцы?

– Отребье со Двора висельников, – тенъент брезгливо скривился, – вдесятером на одного, как раз по ним.

– А что говорит Мари... госпожа баронесса?

– Герцог Эпинэ запретил расспросы. – На лице Грейнджа мелькнула досада. – Расследование подобных преступлений находится в ведении цивилиного коменданта столицы. Монсеньор велел доложить обо всем вам.

– А капитан, то есть генерал, Карваль? Ему сообщили?

– Господин Первый маршал не счел нужным.

Перестал доверять? Вряд ли! Просто Робер тоже хочет мира. Он не стал просить прощения, но дал понять, что кошмар в Доре не вина нового цивилиного коменданта, а преступление старого. И это так и есть!

– Спасибо, тенъент. – Если понадобится, он перетряхнет пол-Оллари, но убийц найдет. – Сейчас подадут шадди, и мы отправимся на место происшествия. Вы покажете, где и как все произошло, передадите пойманных разбойников и можете быть свободны.

2

Тонконогая большеглазая собачка припала на передние лапки и зарычала, защищая хозяйку. Марианна слабо улыбнулась и подхватила левретку на руки.

– Доброе утро, сударь. Простите Эбро, она совсем растерялась... Вы наконец-то нашли время для старых друзей? Как мило.

– Счастлив видеть вас живой и невредимой, – совершенно искренне сказал Ричард и, спохватившись, добавил: – Увы, обстоятельства нашей встречи весьма печальны.

Марианна покачала головой:

– Если б не они, я бы вряд ли вас принимала, так что я почти благодарна этим грабителям.

– Я был занят, – промямлил юноша, стараясь не вспоминать о рассыпавшихся по ковру черешнях и золотой розе в вырезе платья. Сейчас Марианна была в черном, а приснопамятные ковры убрали. Наверное, их испортила кровь.

– Цивильный комендант и должен быть занят, – ровным голосом произнесла красавица, и Ричард почувствовал себя лживой дрянью. Выкрикни он баронессе и всем женщинам мира, кем занято его сердце, Марианна бы поняла и приняла.

– Сударыня, вы можете говорить? – Вопрос прозвучал глупо, ведь они уже говорят.

– Смогу. – Баронесса подняла ресницы, ее глаза были по-прежнему прекрасны. – Только скажите, как чувствует себя Эпинэ. Я... Я обязана ему жизнью!

– У Робера лихорадка, – начал Дик и понял, что женщине нужно другое. К счастью, Джереми был рядом. Ричард окликнул камердинера:

– Отправляйтесь в особняк Эпинэ, узнайте, как чувствует себя герцог, и возвращайтесь. Немедленно. Баронесса ждет вашего доклада. Вы поняли?

– Да, монсеньор. – Слуга по военной привычке щелкнул каблуками и исчез.

– Скоро мы все узнаем, – заверил Дик, – но, насколько мне известно, жизнь Робера вне опасности.

– Слава Создателю. – Марианна устало вздохнула и поднесла к виску руку. Бессонная ночь и пережитый страх давали себя знать все явственней.

– Скоро вы сможете отдохнуть, – заверил женщину Ричард. – Нокс, я спрошу госпожу Капуль-Гизайль, а вы примите у тенъента Грейнджа преступников. Потом мы вместе займемся слугами.

– Слушаюсь. – Лицо полковника² осталось бесстрастным, но Дик не сомневался: северянин не испытывает ни малейшего желания возиться с грабителями. Военные чураются грязи. С какой готовностью все они, даже сюзерен, свалили черную работу на Айнсмеллера, и чем все кончилось? Убийствами невинных и пятном на репутации Раканов. Подручные мерзавца под стать бывшему начальнику, их придется менять по ходу дела, а пока Нокс с Джереми, нравятся им это или нет, станут искать пособников Олларов и ловить разбойников.

– Ваш офицер недоволен, – тихо сказала баронесса, – и я его понимаю. Давайте обо всем забудем, ведь непоправимого не произошло.

– Мой офицер будет делать, что ему приказано, – отрезал Ричард. Марианна удивленно и грустно раскрыла глаза, и юноша пояснил: – Я не могу полагаться на людей Айнсмеллера, особенно когда речь идет о вас. И я не могу оставить вас со слугами, один из которых предал.

² Капитаны Личной гвардии Повелителей получили звание полковников Талигойской армии, при этом они подчинялись только главе Дома и королю.

– Спасибо, – прошептала красавица. Любопытно, где ее барон? Не вылетел же он в окно вместе со своими пичугами. Как бы Капуль-Гизайль ни перетрусил, ему пора появиться. Марианна вымученно улыбнулась.

– Если допроса не избежать, я предпочла бы исповедоваться перед вами. Только, если можно, в другой комнате.

– Разумеется. – Как он сам не сообразил, что ей страшно в разгромленном будуаре! – Куда вам будет угодно?

– Может быть, Янтарная спальня? – свела брови баронесса. – Я вправе предложить цивилинному коменданту шадди или вина?

– Сударыня, – поклонился Дик, – я покорный слуга вашей красоты и готов идти за вами хоть в Рассвет.

– Вам рано в Рассвет. – Женщина покачала головой и попробовала улыбнуться. – Этот мир еще не одарил вас тем, чего вы достойны, но прошу вас.

Зеркальная прихожая... Дик был здесь лишь однажды, когда Ворон играл в карты с Килеаном. Юноша невольно тронул возвращенное кольцо, один камень напоминал о другом, найденном и потерянном. Жива ли маленькая ювелирша? Нужно расспросить тех, кто прибирал в Доре, не находили ли они толстушку в костюме ангелочка. Отчего-то казалось, что девочка жива и карас все еще при ней. Робер распорядился переписать уцелевших, вчера это казалось лишним, но, подумав, Дик признал, что Эпинэ действовал правильно. Просто они все устали, вот и наговорили друг другу глупостей, а через несколько часов Робер едва не погиб. Они могли никогда не увидеться, и последними сказанными друг другу словами остались бы взаимные упреки... Это было бы чудовищно!

– Вот моя келья, – баронесса отворила полу скрытую золотистым шелком дверцу, – я здесь прячусь, когда устаю от... общества.

Комната была прелестной. Все оттенки желтого и оранжевого, аромат померанцев и роз, щебет неизбежной морискиллы превращали спальню в уголок позднего лета. Женщина устало опустилась на круглый пуф.

– Я готова. – У Марианны не глаза, а карасы, а бледность ей только к лицу. – Я хочу все рассказать раньше, чем упаду и усну. Или умру.

Иногда, чтобы защитить человека, приходится его мучить. Бедняжка хочет забыть кровавый кошмар, но он заставит ее вспомнить. Смог бы он так поступить с Катари? Никогда, но Катари подобной ночи не пережила бы!

– Вы предлагали вино, – разговор не должен стать допросом, – оно сейчас пришлось бы кстати.

– В кувшине «Черная кровь», – поежилась Марианна. – Ваша должность позволяет вам ее разлить или позвать слугу?

– Позволяет.

На алатском гобелене пышно цвели розы и летали алые с золотом бабочки. В Сакаци висели похожие вышивки, а сама баронесса напоминала сразу и Матильду, и Вицушку. Может ли быть, что госпожа Капуль-Гизайль из Алати? Дикон наполнил два узких бокала:

– Ваше здоровье, сударыня!

– Пойдите! Не пейте. – Баронесса выхватила из рук юноши бокал, пригубила и виновато улыбнулась. – Теперь никто не скажет, что я пыталась отравить гостя.

– Марианна, – не выдержал Ричард, – что вы?! Никто... Никто никогда не подумает!..

– Но это было в моем доме, – выкрикнула женщина, – в моем! Робер Эпинэ пришел как друг, а на него напали...

– Ты в этом не виновата. – Дикон сам не понял, как схватил собеседницу за руки. – Это могло случиться с каждым!

– Нет, – баронесса мягко, но настойчиво освободилась, – только с теми, кто не слишком разборчив и излишне доверчив. Что я должна рассказать?

– То, что запомнила. – Грудь Марианны высоко вздымалась, и Дик с трудом отвел взгляд от черного атласа. – Как вышло, что в доме никого не оказалось?

Ворон – странный человек. Почему, при всей своей неразборчивости, он отказался от Марианны? Уж не потому ли, что боялся уронить свою репутацию непревзойденного любовника?

– Барон уехал за город. – Белые руки на фоне платья казались фарфоровыми. – Сейчас так трудно найти достойное вино. И не только вино, приходится договариваться с пригородными трактирщиками. Большинство слуг сопровождает... мужа. Мы решили, что во время королевских приемов наш скромный дом гостей не привлечет. Барон воспользовался случаем и решил пополнить запасы.

– Когда он вернется? – Бледность и тревога превращали уверенную в себе куртизанку в испуганную лань.

– К вечеру. – Марианна взглянула на обручальный браслет и усмехнулась. Бедный барон, женившийся на красавице. Бедная красавица, связанная со смешным, расфуфыренным чело-вечком. Удо Борн готов забыть о прошлом Марианны, но олла-рианские браки еще не отме-нены.

– Сколько человек было в доме?

– Я отпустила камеристку к матери. – Женщина ссадила с колен левретку и поправила платье.

– Итак, вы отпустили служанку?

– На праздники... Ваннина мне верна... Она бы кричала, пыталась их прогнать, и ее бы убили. Из-за меня...

Она все-таки разрыдалась, по-детски спрятав лицо в ладонях. Испуганно заскулила забившаяся под стол собачка, из высокой прически выпало несколько черепаховых шпилек. Ричард их поднял, баронесса судорожно всхлипывала, потом, не поднимая головы, попросила платок. Дик платок протянул, стараясь не глядеть на стройную шею, над которой трепетало несколько закрутившихся колечками прядок. Марианна вслепую нащарила клочок батиста, ненароком коснувшись пальцев Ричарда, и юноша не выдержал, поцеловал женщину в склоненный затылок. Баронесса вздрогнула и сильнее сжала его запястье, от теплых волос пахло розами.

– Успокойся! – Дикон осторожно обнял мягкие плечи, привлекая женщину к себе. Марианна что-то прошептала, она не отбивалась и не завлекала. Они были одни среди золотых шелков.

– Ричард, – пробормотала Марианна, – закройте дверь... Ключ на шее.

Когда Удо узнает, что случилось, он примчится, позабыв и гимнетов, и Совет, но граф пока не знает. И маленький барон не знает, а Робер болен.

– Я запру. – Руки юноши нащарили тоненькую золотую цепочку. Ключик неохотно покинул свой трон. – Я сейчас...

Ричард заставил себя разжать объятия. Он даже шагнул к дверце, но та распахнулась сама.

– Монсеньор. – Выросший на пороге солдат уставился на растрепанную баронессу, и Дику захо телось пристрелить невежу на месте. – Тут разбойник один... Про вас орет. Говорит, он у вас вроде как на службе.

Губастого «висельника» Ричард вспомнил сразу же, как увидел. Прошлым летом негодяй поклялся Слепой Подковой разыскать убийц герцога Окделла. И что с ним теперь прикажете делать?

Ричард уселся в кресло, разглядывая вора, которого поздняя осень не сделала менее смуглым. С Марианной вышло некрасиво, но кто мешает нанести баронессе приватный визит через несколько дней? Госпожа Капуль-Гизайль не только хороша, но и умна. Да, сегодня она была не в себе, но это понятно: пережить нападение, узнать, что в твоём доме завелся предатель... Неудивительно, что красавица рванулась к тому, кто может её защитить, но губастый объявился вовремя. Что бы было, застань кто-нибудь гражданского коменданта с баронессой?! Поползли бы слухи, а Спрут озабочился бы донести их до Катари. Почему все-таки она отказывается его принять? Стесняется или дело во взбесившейся Айрис?...

– Монсеньор! Монсеньор, вы меня помните?!

Губастый. Никуда не денешься, нужно покончить с этим делом, а потом навестить Робера и сообщить о нападении Катари. Сегодня она просто не сможет его не выслушать.

– Вы меня помните?!

– Разумеется, – подтвердил Ричард, – но это ничего не значит. Если ты совершил преступление, ты за него ответишь.

– Я только стоял у входа, – зачастил подручный Тени. – Я не знал, кто тут... Мне не сказали...

– А что ты знал? – В ворье и вправду нет ничего достойного, ызарги и есть ызарги. – И где этот, как его, Джанис?

Сзади что-то звякнуло, и Ричард вспомнил, что они с «висельником» не одни. Впутывать незнакомого тенъента в свои дела не хотелось, но если не объяснить, Грейндж, чего доброго, вообразит, что герцог Окделл якшается с отребьем.

– Этот человек видел того, кто хотел меня убить.

– Я его узнаю, если услышу, – встрял губастый, – я поклялся... Монсеньор знает. И Тень слышал...

– И где же он? – Если на Робера поднял руку Джанис, он поплатится, но чего он искал, золота или крови? Тень обязан Ворону жизнью и властью, забывать о таком нельзя.

– Монсеньор, – запыхавшийся Джереми не забыл щелкнуть каблуками, – герцог Эпинэ спит. Врач говорит, можно не опасаться.

– Сообщите об этом госпоже Капуль-Гизайль. – При всех прощаться с Марианной не стоит. – Засвидетельствуйте баронессе мое почтение, я навещу ее при первой же возможности.

– Слушаюсь, монсеньор, – поклонился Джереми, и тут губастый с неожиданным проворством рванулся вперед, вцепившись слуге в рукав.

– Это он, – завопил воришка, тыча пальцем в Джереми, – это он платил за убийство монсеньора! Я его узнал, точно узнал...

– Этот человек говорит правду? – Грейндж ухватил слугу за плечо. – Ты платил за убийство герцога?

– Да! – орал «висельник». – В одеяло замотался, чтоб за жирного сойти, только голос не подменишь!

Ночная дрянь не лгала, Ричард это понял, едва взглянув на побелевшего камердинера.

– Что ты можешь сказать в свое оправдание? – Так вот почему ему было неуютно в собственном доме. Он подпустил к себе змею и чувствовал это.

– Монсеньор, – глаза Джереми смотрели твердо, – этот вор не лжет. Я действительно по поручению генерала Люра заплатил убийцам. Я прошу лишь об одной милости, о разговоре с монсеньором наедине.

– Хорошо. – Святой Алан, неужели за ним охотились по приказу Симона, но почему?! – Выйдите все!

– Нет. – Грейндж был хмур и решителен. – Я останусь. Мое дежурство еще не кончено.

Он не уйдет. Выставить силой? Чтобы он побежал к Карвалю? И потом, гражданский комендант должен быть вне подозрений. Любых.

Ричард кивнул:

– Оставайтесь. Я слушаю, Джереми.

– Я был ординарцем генерала Люра. – Грейндж был ближе, но Джереми смотрел только на своего господина. Бывшего господина. – То есть не совсем так... Генерал меня спас и взял к себе. Я... Я немного пошалил с девицей, она не имела ничего против, но ее отец...

– Где эта девица теперь? – зачем-то спросил Дикон.

– Она моя жена, – просто ответил камердинер, – осталась в Корде с дочерью.

У Джереми есть жена и дочь? Бич никогда о них не говорил. Он вообще был неразговорчивым.

– Значит, за мою смерть платил Люра. Почему?

– Приказ тессория. – Висельник или мещанин ползал бы на коленях, Джереми стоял навтыжку. – Леопольд Манрик хотел получить Надор. Титул, земли и дорожный откуп. Леонард Манрик должен был жениться на сестре монсеньора, а дальше Оллар объявил бы его новым герцогом.

– Симон Люра это знал?

– Да, – подтвердил камердинер. – Правду сказать, генерал тогда и решил, что хватит с него морд этих рыжих. Сначала он отказаться хотел, да только с тессорием не потягаешься! Люра лямку с самого низа тянул, куда ему против Манриков переть было, да и толку-то. Один отказался – дюжина согласится.

– Значит, он согласился?

– Для виду. А потом Маршалу Запада доложил, только что фок Варзов, что Манрики из одной миски едят. Фок Варзов, даром что хорошего рода, а сказал, что из крапивного, прошу прощения, семени вишня не вырастет. И что хватит с него, прошу простить, надорской заразы. Тогда генерал и придумал. Велел найти самых негодящих разбойников, а к вам человека приставил, чтоб приглядывал.

Как все просто и понятно. Фламинго захотели Надор, а Олларам плевать на право крови. Между титулом и рыжим генералом стоял только сын Эгмонта. И совесть Симона Люра.

– Джереми, – подался вперед Ричард, – это ведь был ты? Ты стрелял в убийц?

Бывший капрал молчал, в первый раз за все время опустив глаза.

– Это был ты! – повторил Ричард, и Джереми нехотя кивнул.

Глава 2

Надор

400 год К. С. 3-й день Зимних Скал

1

Небо было чистым, только на юго-западе горизонт затягивала легкая пелена, больше похожая на кружевную вуаль, чем на облака. Снег и свет выбелили старые крыши и стены, превратив прокопченный холодный Надор в нечто пристойное, разумеется, если глядеть издали и сверху. И все равно лезть на здоровенную, нависающую над замком скалу было верхом глупости. Умный человек прикупил бы в трактире сносной говядины, вина и хоть каких-то приправ, а заодно пообедал, но влюбленные графы не думают о пище телесной, им подавай родовые святыни! Влюбленные графы мнутя с ноги на ногу и бормочут о каких-то каменюках, на которых что-то зиждется или покоится.

Мороженые булжники притягивали Луизу, как капуста кошку, но Эйвон был таким трогательным, не огорчать же человека. Не прошло и недели, как госпожа Арамона согласилась подняться в полдень на заветную вершину, благо Айри с Селиной отправились на прогулку, а Мирабелла засела в церкви. До ужина драки не предвиделось, и дуэнья с чистой совестью удрала на свидание. Должна же она хоть раз в жизни услышать настоящее признание, женщина она, в конце концов, или подушка?!

Не очень юная и совсем не прекрасная дама перепрыгнула с одного обломка на другой, в животе самым непристойным образом заурчало. Святая Октавия, когда она в последней раз ела мясо, а не солдатские подметки?! Тогда же, когда в последний раз видела приличный хлеб! Желудок откликнулся на неуместные воспоминания новой трелью, и Луиза остановилась – представлять перед поклонником под музыку не хотелось.

Женщина втянула живот, нагнулась, разогнулась, глубоко вздохнула, как учила маменька, и усмехнулась: Аглая Кредон при виде надорских разносолов упала бы в обморок, а господин Креденьи вышвырнул бы поваров на улицу. Только где они сейчас, маменька с господином графом?

Луиза ночь за ночью объясняла себе, что бояться нечего: обитатели улицы Хромого Цыпленка вне опасности и празднуют Излом в свое удовольствие. Сидят себе в одном из поместий Креденьи, едят, пьют, разбирают подарки... Кто знает, вдруг маменька на старости лет затащила графа к алтарю. С нее стало бы упереться и не трогаться с места без обручального браслета, а господин Креденьи свою тесемочницу любит, что бы он ни говорил.

Понимал ли отец, что за медовая змеюка ему досталась? Раньше Луизе казалось, что мать напрочь заморочила любовнику голову, но последний разговор все изменил. Граф Креденьи с ходу раскусил дочь, которую и видел-то раз в год по обещанию. Неужели за сорок с лишним лет он не разобрался в любовнице?

Ноги начинали замерзать, и капитанша полезла вверх. Слева громоздились утыканые облетевшими кустами скалы, справа тянулся пятнистый от осыпей обрыв, под которым струилась дорога. Поедешь на север, найдешь Савиньяка, на юг – вернешься в Олларию... Если Раканышу ничего не свалилось на голову, он уже при короне.

Под каблуком хрустнул ледок, послышалось тихое журчание – до источника Вепря, о котором говорил Эйвон, было рукой подать. Женщина ускорила шаг, стараясь не думать о кэналлийце и помиравшей Катари. Вот бы расчехлиться и попасть в Фельп, Креденьи и Олларию, не покидая Надора. Или хотя бы раздвоиться...

Тропка обогнула чудовищный, белый от времени и инея пень и растаяла среди припорошенных снегом руин. Грубо обтесанные глыбы мешались с беспорядочно разбросанными валунами, среди которых пробивался родник. Подходящее место для разыгравшихся котят. Соберись Айри бежать с возлюбленным, она наверняка бы затащила избранника на эту скалу вместе с лошадьми. Дурочка, да что она знает о любви? Что она вообще знает?

Госпожа Арамона медленно побрела к украшенной ледяными наплывами скале, из которой и бил ключ. Тихо шуршал гравий, цвел радужными искрами иней, игриво плескались хрустальные струйки. Сегодня на вершине все казалось зачарованным: сглаженные веками статуи, вцепившиеся в камень кусты, прозрачная дымка на небе, поющая вода, через которую еще нужно было перебраться.

Далеко внизу зазвонил колокол – начиналась Полуденная служба! За ужином вдоволь намолившаяся Мирабелла устроит сбежавшим допрос с пристрастием, – и как не надоест?! Луиза и сама знала толк в скандалах, но после них Арнольд поджимал хвост, Мирабелла же вылезала из потасовок на трех ногах и все равно не унималась.

Родник все так же резво прыгал с камня на камень, но сказка исчезла, остался страх поскользнуться. Вообще-то источнику полагалось бить в низине, а не на вершине горы, но в Надоре все через пень-колоду: свихнувшаяся хозяйка, затюканные домочадцы и холод. Замок выстыл не от зимы – от ненависти, да не простой, а протухшей. Луиза провела здесь меньше месяца, и только мысли о кэналлийце в Багерлее мешали капитанше сгрести дочь в охапку и сбежать.

Заговорщица Айрис каждый день выезжала «навстречу Реджинальду», а по вечерам если не грызлась с маменькой, то расписывала будущую жизнь с Эпинэ. Луиза слушала, готовясь хватать заговорщицу за хвост, а Эйвон вздыхал и бормотал о заповедном утесе. Это было забавно...

Госпожа Арамона выглянула из-за камней и тут же увидела сутулую спину: Эйвон впился взглядом в полуразрушенную лестницу. Бедняге и в голову не пришло, что его дама пройдет вдоль обрыва.

Луиза с силой сжала губы, чтобы они покраснели, – еще один маменькин секрет. Ларак подошел к самому краю площадки и замер. Облезлый граф с больным желудком, возмечтавший о вдовой капитанше, двадцать лет сохнувшей по герцогу. Дурак! И она дура, что на старости лет потащилась на свидание. Да еще в сапожках для верховой езды.

Женщина хмыкнула, вытащила из-под капюшона пару прядок и покинула свое убежище.

2

– Это вы? – Умный вопрос, ничего не скажешь. Нет, это не она, а Беатриса Борраска!

– Разумеется, я, – с достоинством, как и полагается уважающей себя даме, произнесла капитан-ша. – Я перешла ручей.

– Но там так опасно! – разволновался Ларак. – Тропинка в нескольких местах осыпается.

– Я не заметила, – колокольное дребезжание нужно забыть и побыстрее, – дорога была такой красивой.

– Обопритесь на мою руку, – взгляд Эйвона стал еще более собачьим, чем всегда, – я покажу вам Камень Окделлов.

– О, я так давно мечтаю его увидеть. – Да провались он, этот камень, вместе со всем Надором.

В глазах Ларака вспыхнул благоговейный огонь:

– Будущий Повелитель Скал, – выдохнул влюбленный, – в ночь совершеннолетия проводил время прикованным к родовому камню. В полночь к нему приходил глава Дома и задавал

Великие Вопросы. Сын отвечал, а ответив, приносил клятву Скалам. Последним, кто прошел посвящение, был Алан Святой...

– Оказаться здесь, ночью, одной... – Чего еще ждать от Окделлов, но какой повод испугаться. – Граф, я бы умерла от страха.

– Вы – женщина, – возвестил Эйвон, – ваш удел – красота, робость и слабость, а удел рыцаря – служение Создателю, сюзерену и возлюбленной.

Видел бы несчастный, как робкое создание колотило законного супруга и рвало патлы кухарке. Или как волокно с пожара суконный скаток.

– Не все женщины слабы, – капитанша поправила «непослушный локон», – ваша племянница сильнее многих рыцарей.

– Мирабелла слишком много страдала, – заученно пробубнил Ларак. – И потом... Я ее называю кузина, это более сообразно ее положению. Сударыня, мы пришли. Вот он!

Знаменитый камень оказался здоровенным валуном, украшенным позеленевшими кабаньими головами, одна из которых все еще сжимала в пасти кольцо. Подслеповатые злые глазки смотрели подозрительно, и незваная гостья торопливо отвернулась. Легендарные вепри до отвращения напоминали тварей, украшавших маменькин комод, которого маленькая «Улиза» боялась до дрожи. Ей казалось, что внутри живет кто-то страшный, он рано или поздно вылезет и всех сожрет, а вот госпожа Кредон деревянное чудище прямо-таки обожала. Луиза не удивилась бы, узнав, что маменька поволокла комод с собой, а если господин граф заставил ее уехать налегке, ему по гроб жизни обеспечены тяжкие вздохи и слезки на ресницах. Что такое спасенная жизнь в сравнении с пропавшей мебелью? Ерунда!

– Потрясающее зрелище! – голосом нищего на паперти пропел Эйвон. – Не правда ли?

Надо было ахать, а в голову, как назло, не лезло ничего подходящего.

– Я вижу, вы потрясены...

Госпожа Арамона пошевелила негнушимися пальцами ног. Правильно, что временем любви считают весну, весной ничего не обморозишь, и каштаны на голову не сыплются. Благородный влюбленный терпеливо ждал, глядя то на святыню, то на свою спутницу.

– Страшно подумать, что видел этот утес, – выдавила из себя капитанша, представляя себя прикованной к маменькиному комоду. – Но как вышло, что после Алана никого не призывали?

А стоило бы. Не к скале, так к комоду, и на всю ночь, вдруг бы да помогло!

– Алан погиб, когда его сыновья были совсем детьми. – Простая скорбь на худом лице Ларака стала вселенской. – Он унес тайну в могилу, а его старший сын принял смерть вдали от Надора. Мой предок Люсьен Ларак привез малолетнему племяннику снятый с убитого родовой медальон, но это все, что он мог.

Ну отчего же, еще можно было приковать нового Окделла к скале и приковаться рядом со всеми чадами и домочадцами. Каменюк здесь хватает, и вообще, собирается граф объясняться или нет, холодно же!

– Рядом с этим камнем я чувствую себя совсем маленькой. – Это даже не вранье, гаже этих замшелых каменных морд только маменькины, деревянные. – Мне страшно!

– Как тонко вы чувствуете, – восхитился Ларак. – Поверьте, это дано немногим.

– Вы слишком добры. – Нос у нее, без сомнения, красный, но влюбленным рыцарям красные носы не страшны. – Но неужели вас не пугают эти звери?

– Мы часто бывали здесь с Эгмонтом, – завел свою песню Эйвон, и Луизе захотелось его стукнуть. Капитанша уже не могла слушать про придурка, превратившего Надор в смесь склепа с сараем, а здешние обитатели всё долдонили и долдонили, как покойный гулял, спал, ел... Странно, что им с Селиной до сих пор не показали ночную вазу, осененную великим страдальцем.

– Сударь... – Отвалятся пальцы или нет? – Эгмонт Окделл мертв, но вы живы, так благодарите за это Создателя.

– Я понимаю. – Эйвон вздохнул, как уставшая лошадь, – я слишком часто вспоминаю Эгмонта, но его жизнь придавала смысл и моему существованию. Мир несправедлив, великие погибают, а ничтожества продолжают влачить тяготы бытия. Их удел – оплакивать невосполнимую потерю.

Если б невосполнимую! Красотун Альдо на пару с сыном проклятущего Эгмонта восполнили так, что выходцам тошно.

– Скажите, граф, – еще немного, и она удерет, а Ларак пусть ловит вчерашний день сколько душе угодно, – вам не надоело быть родичем Эгмонта?

– Я знаю, что недостойн его, – испугался граф, – я... Я говорю об Эгмонте не потому, что хочу подняться в ваших глазах.

Закатные кошки, чтоб подняться в ее глазах, нужно скакать за помощью к Савиньяку, а не ныть о незадачливом заговорщике. Жаль, нельзя заткнуть дурня своими покойниками: Ларак про Эгмонта, она про мужа-выходца. Вот разговор бы был!

– Я вижу в вас графа Эйвона, – решила проявить милосердие капитанша, – но я слышала от слуг, что здесь встречаются призраки.

– О да, – воспрянул Ларак, – я своими глазами видел тут людей с мечами. Это был самый несчастный день в моей жизни!..

И надо ж было ей совать палку именно в это дупло, теперь придется слушать, но призраки – это последнее, на что ее хватит. После призраков – в трактир! К горячему вину, мягкому хлебу и мясу, сочному, с хрустящей корочкой, на подушке из жареных овощей...

– Сударь, – не подхлестнешь, до вечера не начнет, – когда это было?

– Восемь лет назад, – с готовностью начал Ларак. – Эгмонт повел войска на соединение с Эпинэ. Мои родичи, друзья ушли сражаться за свободу, а я остался в Надоре. Госпожа Арамона, я никому об этом не рассказывал. Никому!

– Даже вдовствующей кухне? – подняла голову обитавшая в Луизе гадюка. – Неужели вы так скрытны?

– Никому, – простодушно подтвердил Эйвон, – но вам я расскажу все. Я был болен, но тревога и сознание собственной никчемности были страшнее болезни. Я не находил покоя, и ноги сами принесли меня сюда, на любимую скалу Эгмонта.

Небо покрылось тучами, вставал туман, было тяжело дышать. Я устал и присел на один из валунов, потом встал, чтобы идти дальше, и вдруг увидел человека. Он стоял на такой же высоте, что и я, и смотрел мне в лицо.

Незнакомец был в цветах Дома Скал, и я решил, что это гонец, поднявшийся за мной, но не желающий прерывать мои размышления. Я его окликнул, он не ответил, тогда я пошел к нему; он тоже двинулся мне навстречу, повторяя мои шаги, движения, жесты...

Когда между нами осталось нескольких шагов, я узнал в нем самого себя. Признаюсь, я испугался, но постарался этого не показать. Я протянул к своему двойнику руку, он сделал то же, я закричал, и эхо четырежды повторило мой крик. Меня охватил ужас, не понимая, что делаю, я выхватил шпагу. Призрак тоже обнажил клинок, и тут я увидел, что это не я, а Эгмонт. Он смотрел на меня, я на него... Не помню, сколько это длилось, потом мне в глаза ударил солнечный луч, показавшийся алым. На мгновение я ослеп, а когда снова смог видеть, призрак исчез.

Голова у меня кружилась, я с трудом спустился со скалы, добрался до замка и потерял сознание прямо во дворе. На шестую ночь пришло известие о гибели Эгмонта. Он погиб в ту самую минуту, когда я его увидел. Он погиб, а я...

– А вы, к счастью, живы, – перебила Луиза, – и хватит об этом.

Стало тихо, Эйвон пережевывал давнишний бред, а ноги, окончательно замерзнув, готовились отвалиться. Добродетельная вдова без ног – это безобразие, и Луиза, наплевав на приличия, повлекла молчащего спутника вдоль скачущего ручья. Шагов через десять стало легче, и дама подняла лицо к кавалеру. Кавалер страдал то ли от несварения желудка, то ли от горьких воспоминаний, то ли от любви. Ну и пусть: хватит загонять петуха в курятник, пусть сам дорожку ищет.

Камень с мордами остался позади, и на том спасибо, плеск воды напоминал о ручейке в Кошоне. Весной Герард мастерил из щепок лодочки и водил малышню их пускать, а они с Селиной собирали примулы и гиацинты...

Сказал бы кто капитанше, что она станет бояться не только за детей и кэналийца, но и за Катарину, а ведь боится! И за, с позволения сказать, жениха Айрис боится, и даже за дуру Мэтьюс с ее брюхатой дочкой, а вот Раканыша госпожа Арамона задушила бы своими руками. Жаль, руки коротковаты, только и остается, что кудахтать над девицами да искать дорожку к Савиньяку.

Над головой что-то захлопало: на щербатый валун плюхнулась ворона, выругалась и тут же сорвалась прочь.

– Весной здесь растут анемоны, – нашелся наконец Эйвон, – а ниже, вдоль ручья, выпускаются незабудки.

Слава святой Октавии, о цветочках, а не о покойниках!

– В Рафиано, где я провела детские годы, – поддержала разговор Луиза, – растет трутный гриб. На пнях. А на полях – бобы. Кормовые. И еще спаржа. Ее едят.

– Это прекрасно, – не очень уверенно одобрил спаржу Эйвон и вернулся к местным прелестям. – Скальный ручей впадает в Надорское озеро. Сейчас оно замерзло, но летом его берега покрыты...

– Фиалками? – с готовность подсказала Луиза. – Ландышами? Колокольчиками? Ромашками?

– Ромашками, – признался Ларак. – А у воды расцветают ирисы... Сударыня, вы прекрасны... Я люблю вас, нет, не люблю, я вас боготворю!

3

Ну вот он и пробил, великий миг! Прекрасная Луиза в алом плаще возвышается над фамильным ручьем, а перед ней преклонил колени самый настоящий граф. Теперь никуда не денешься, придется скреплять. Поцелуем.

– Эйвон, – произнесла Луиза, кусая губы, а непрошенный то ли смех, то ли плач выгрызался наружу амбарной крысой, – не говорите так.

– Я знаю, что недостоин вас. – Дядя великого Эгмонта шумно вздохнул. – Я не могу ничего предложить в обмен на зажженный вами свет, озаривший мою убогую жизнь.

Тут не возразить: жизнь в Надоре и впрямь убогая, озаришь и не заметишь.

– Встаньте, сударь, – потребовала Луиза, переминаясь с ноги на ногу. Дернуло же ее не замотать лапы, хотя в меховых сапогах по скалам не попрыгаешь. Решено, когда в нее влюбится маркиз, пусть объясняется или летом, или у камина.

– Я готов оставаться здесь вечно, – лицо Ларака стало вдохновенным, – только б видеть вас, слышать вас голос, чувствовать ваше дыхание!

Еще немного, они тут навечно и останутся. Луиза с трудом сдержала рвущийся наружу чих.

– Граф, – заботливо проворковала она, – вы можете простудиться, давайте продолжим разговор в тепле. Мы могли бы спуститься к тракту.

Про трактир пока лучше не говорить, трактир – это низменно!

– Что значит болезнь и даже смерть в сравнении с вами, – начал Эйвон. Нет, так просто он не уйдет, остается одно.

Госпожа Арамона торопливо облизнула губы и облапила влюбленного, вынуждая встать. Именно так она заставляла перебравшего мужа доползти до кровати, а ведь останься старой девой, растерялась бы!

У поднятого с колен Эйвона пути к отступлению не оставалось. Он еще пытался что-то бормотать, но Луиза решительно пресекла разговоры, впившись в колючие усы.

Целовать Эйвон не умел, но от него пахло целебными травами, а не тинтой. А ты хотела «Черной крови» и шадди? Обойдешься!

– Сударыня, – Ларак сжал Луизу в объятиях, стало теплее, но не ногам, – я никогда не изменял жене... Никогда.

– Я тоже, – призналась женщина. Не изменяла, хотя сны были, сны, в которых она видела над собой синие глаза.

– Мы убежим, – бубнил Эйвон, – убежим... далеко... Мы будем вместе до конца времен...

– Убежим, – пообещала Луиза задыхающемуся влюбленному, – но вы сбросите бороду.

– Сбрею, – в свою очередь пообещал тот. Точно так же он поклялся бы умереть или достать с неба парочку звезд.

Глава 3

Ракана (б. Оллария), Ардора

400 год К. С. 3-4-й день Зимних Скал

1

– Что ты знаешь о разбойниках? – безнадежно спросил Ричард красноносого толстого повара.

Повар знал то же, что и все, а именно ничего, и это «ничего» растянулось на добрых полчаса.

– Хорошо, – вздохнул наконец Дикон. – Тебя заперли вместе с остальными слугами, и ты ничего не видел. Что ты можешь сказать о пропавшем Гильермо? Как он себя вел? С кем разговаривал? Кто к нему приходил?

Повар пошевелил губами и сообщил то, что цивилизный комендант знал и так.

Сбежавшего мерзавца звали Гильермо Паччи, и он приходился племянником удалившемуся от дел истопнику, который его и привел.

Паччи-старший объявил, что получил в наследство постоянный двор, распрощался и уехал. Где получил? Где-то в Рафиано. Добраться до новоявленного трактирщика было не легче, чем до племянника.

– Гильермо был хорошим истопником? – подал голос сидевший у двери Нокс.

– Ох, сударь, – колыхнул пузом кухонный владыка, – откуда ж мне знать? У него один огонь, у меня другой.

– Хорошо, – велел Ричард, – можешь идти.

Повар убрался. Дикон с тоской глянул на безнадежно пустой бумажный лист. От слуг не было никакого толка. Все, что удалось узнать, юноша услышал от Марианны и первого же допрошенного лакея. Остальные талдычили все то же самое.

Что делать дальше, Ричард не представлял. Уцелевшая прислуга подозрений не вызывала, спасшая Робера баронесса – тем более. Оставалось повесить пойманных разбойников, объявить награду за головы сбежавших и успокоиться, но этого-то юноша и не мог. Покушение на Эпинэ слишком напоминало охоту за ним самим. Кому-то очень хотелось, чтобы в Талигойе не осталось Повелителей, и его следовало найти. Легко сказать!

Дикон с отвращением допил остывший шадди. Четвертая чашка за утро, а спать все равно хочется. Ричард неуверенно глянул на молчащего Нокса: полковник был подтянут и непроницаем. Ему не пришлось задыхаться в Доре, а потом два дня кряду вместе с сюзереном принимать посольские соболезнования.

– Полковник, я не понял вашего последнего вопроса.

– Простите, монсеньор. Мне подумалось, что этот Паччи был не истопником, а «висельником». Иметь своего человека в доме очень удобно.

– Я тоже так считаю, – кивнул Дикон.

Все верно. Гильермо улучил подходящий момент, дал знать сообщникам и сам же их впустил. Вместе они заперли слуг, ворвались через потайную дверь в будуар. Все сходится! Только кто за всем этим стоит?

– Я не помешаю? – Мягкие шаги, аромат духов. Марианна так и не легла! И не ляжет, пока они не закончат.

– Сударыня, – как же она все-таки хороша, – скоро мы освободим вас от своего присутствия.

– Монсеньор, – баронесса уже взяла себя в руки, однако вздернутый подбородок и спокойный голос могли обмануть Нокса, но не Ричарда, – я всегда рада видеть вас в своем доме. Может быть, еще шадди?

– Благодарю, сударыня. – Еще одна чашка – и тошнотворная, горько-сладкая жидкость хлынет из ушей. – Это было бы прекрасно.

– Я сейчас распоряжусь.

Шуршащие шелка, запах роз, тихий стук потайной дверцы... В Янтарной спальне тоже пахнет розами, но сначала – дело.

– Джереми, сколько осталось?

– Трое, – с нескрываемым облегчением откликнулся северянин, – камеристка и конюхи.

– Сперва камеристку. – Сейчас он в шестнадцатый раз услышит про наследство в Раффиано.

– Да, монсеньор. – Все, что случилось с Иноходцем, от выстрела в Эпинэ до нынешнего нападения, – звенья одной цепи. Нужно ускорить свадьбу. Повелителю Молний нужен наследник, и чем скорее, тем лучше

– Камеристка, – невозмутимо доложил Джереми, – зовут Ваннина.

– Монсеньор. – Похожая на шуку шатенка сделала книксен. Прошлым летом она подавала им с Марианной шоколад. Прямо в постель.

– Во время нападения, – сухо уточнил Ричард, – ты была у родных?

– Да, монсеньор, – затараторила шука, – госпожа меня отпустила. Кабы я знала, что такое случится, ни за что бы не ушла, но кто мог подумать...

– Ваннина, – прервал словесный поток Дикон, – пропал истопник. Что ты о нем можешь сказать?

– Он крался как кот, – глаза Ваннины стали злыми, – как кот-вор. Он все вынюхивал, везде шнырял. Его дело – камины, затопил и спи, так ведь нет! Везде норовил пролезть, то дымит у него, то растопки мало...

– Все? – Эта злока сейчас навспоминает, утонешь. – Больше ничего не заметила?

– Невежа он был, – отрезала камеристка, – грубиян. Обхождения деликатного не понимал. Дориан, камердинер господина барона, он сейчас в отлучке, говорил, что обтешется, да деревенщина деревенщиной и подохнет. Уж вы меня, монсеньор, простите, только нечего проходимцев всяких подбирать. Толковала ведь я Дориану, что нечего истопнику в парадных залах толкаться, а тот заладил, что не моего ума это дело. А у господина барона сердце доброе, а понятий об жизни, словно у егойных воробьев. Ну и кто прав?

– По всей вероятности, ты, – подал голос Нокс, и лучше б он этого не делал.

– Я гаденьшей за хорну чую. – Ваннина сделала книксен полковнику. – Вот хоть господина Салигана взять... Вроде маркиз, а об обхождении никакого понятия! Ни одеться тебе, ни помыться. Какой он кавалер, когда ровно из хлева вылез, а туда же, на госпожу глаз положил, только госпожа баронесса грязи не любят, госпожа к чистоте привыкли. Уж если они кавалера привечают, то у него все на месте – и обхождение, и личико, и одет как положено, да монсеньор и сами знают...

Служанка многозначительно улыбулась, это было неприятно. Кому еще она наболтала? И ведь не уймешь...

– Ваш шадди. – Старичок с подносом появился удивительно вовремя.

– Передайте мою благодарность баронессе. – Дикон поднес невесомую, расписанную бабочками чашечку к губам. Навязчивый горький запах вызывал тошноту, а ведь некоторые этим пойлом восторгаются. Юноша поставил шадди прямо на пустой лист. Пора было заканчивать.

– Итак, ты Гильермо не доверяла и говорила об этом камердинеру господина Капуль-Гизайля, а он внимания не обратил. Это все?

Это было не все. Далеко не все.

– Господин Дориан много о себе полагает. – Баронский камердинер явно не давал Ваннине покоя. – Еще был бы он камердинером монсеньора... Или господина Эпинэ, или господина Марсея, а он кто? Да никто, а носом сейчас луну сшибет... А все с того, что госпожа баронесса совсем барона разбаловали. И птички ему, и черепки. Оно понятно, деток нет, деньги есть, чего не побаловать, только лучше б они в строгости дом держали.

Господин Салиган, тот тоже хорош! Пакость всякую таскает, а тот и платит. И чего не заплатить, денежки-то не его. Муженек-то к нам голодранец голодранцем подкатился, только добра и было, что клетка с воробьем этим желтым. Правда, человек он добрый, свое место знает, только лучше б он...

Вошла Марианна, тихо села рядом с Ноксом. Нокс покосился на баронессу и неожиданно поправил воротник.

– Сударыня, – полковник наиучтивейше наклонил голову, – мы почти закончили. К сожалению, ничего важного узнать не удалось, но монсеньор не теряет надежды.

– У вас есть более важные дела, – просто сказала Марианна, – но когда выдастся свободная минутка, вспомните, что в этом доме вам рады. К вам, господин Нокс, это тоже относится.

– Благодарю. – Служака растерялся, и Дику впервые за последние три дня стало смешно.

– Полковник Нокс, – объявил Повелитель Скал, – отныне лично отвечает не только за мою безопасность, но и за вашу.

– Будет исполнено, – отчеканил северянин. – Сударыня, вы под защитой Скал.

– Я тронута, – женщина благодарно улыбнулась, – но это, поверьте, излишне. Вряд ли разбойники вернутся, а у вас столько дел.

– Служить вам – наш долг, – не согласился Нокс. – Ваша камеристка утверждает, что пропавший истопник вел себя подозрительно. Она говорила о нем с камердинером вашего супруга, но тот не обратил на это внимания.

– Глупости, – улыбнулась Марианна, – у Ваннины очень живое воображение, и она никогда не ладила с Дорианом. Теперь, когда Гильермо исчез, она найдет, что вспомнить, когда же он был в доме, Ваннина находила его общество весьма приятным.

Если так, неудивительно, что истопник сбежал. Ричард поймал бархатный взгляд и улыбнулся в ответ. Как же она перепугалась в эту ночь и как держится. Удивительная женщина, просто удивительная!

– В таком случае не смею долее мешать вашему отдыху. Благодарю за объяснение и за... шадди.

– Что вы, – как мало слов и как много сказано, – это я ваша должница. Ваннина, ты свободна.

Лицо служанки стало упрямым.

– А монсеньор меня не отпускал. Монсеньор еще не знает, что Гильермо сговаривался с господином Салиганом. Вот так-то, сударыня! Я-то думала, они о площадках бароновых шепчутся, а они на вас нацелились. Уволочь хотели, только господин Эпинэ помешали...

2

Удачу нужно обмывать, а то иссохнет, как жаба в жару. Нельзя возвращаться на корабль со всеми деньгами, море скаредов не терпит: не поделишься с трактирщиком, отдашь все крабей теще.

– Еще можжевеловой. – Юхан Ключкатер с достоинством стукнул о дубовый стол пустым стаканом. – Нам с другом Леффером!

– Бу'сделано, – проорал сквозь грохот бубна подавальщик. – А закусить?

– Мясо? – повернулся Добряк к лейтенанту, подтвердившему трагическую гибель груза и сопровождавшего его интенданта.

– Свинину! – постановил Леффер. – На углях!

– Питер, а тебе чего? – Племянничек взгромоздил на колени первую в своей жизни девку и ни устрицы не соображал, но спросить-то надо. Родная кровь, как-никак.

– Тинты, – булькнул Питер, – для Нэлл... И леденцов!

– Тащи им тинту и ключик от спаленки, – заржал Юхан, подавальщик кивнул и скрылся в сизом чаду.

«Одноухий боцман» был полон – зимние праздники задержали в порту десятка три купцов. Известное дело, Излом не уважить – до другого не доплыть!

– Здесь хорошо кормят? – осведомился Леффер, притопывая в такт музыке: в центре зала дюжина матросов, обняв друг друга за плечи, лихо от плясывала «крабиху», остальные хлопали, стучали кружками и стаканами, раскачивались в такт разухабистому мотиву. Все ходило ходуном, только в нишах у окон было чуть потише, здесь можно было разговаривать.

– Уж получше, чем кесарь. – Добряк подпер щеку рукой и растроганно шмыгнул носом. – Люблю Ардору... И «Боцмана» люблю. Душевное местечко... Сплясать, что ли?

Свистели флейты, бил бубен, заходила в плаче алатская скрипка. Трактирные подружки в красных чулках трясли юбками, хохотали, просили тинты. Им наливали, целовали в накрашенные губы, смачно шлепали пониже спины.

– *Кто ни разу не был пьян*, – ревела таверна, – *того проклял Адриан, Кто смотрит в чужой стакан, того проклял Иоанн...*

– А в чужой карман? – Юхан подмигнул Лефферу. – Что будет с теми, кто залез в карман Его Величества Готфрида?

– Это преступники! – твердо сказал Леффер. – Их надлежит казнить на Большой королевской площади. Вот так! Ваше здоровье, шкипер!

– Ваше здоровье! – Лейтенанту и его солдатам пришлось отвалить треть выручки, и все равно вышел хороший фрахт. Они не просто сохранили и головы, и лоханку, они заработали, а кто еще может похвастаться заработками на службе Его Величества Готфрида? Может быть, молодой Браунбард? Или дурень с «Серебряной розы» со своим генералом? Ну и где они все? Крабов радуют, и «Селезень» бы радовал, возьми выскочившие из дыма фрошеры левее.

– Стой! – Юхан ухватил за фартук красномордого подавальщика. – Тинты музыкантам... «Найе-релла-ла-ла»... Плачу! За тех, кто ушел и не вернулся!

– Сейчас, шкипер. – Красномордый сгреб талл. – Как же ушедших не помянуть, обязательно помянем!

– Это только морской обычай? – осведомился Леффер. – Или в нем могут принять участие и солдаты?

– Могут. – Добряк вытащил флягу с рыбодавами. Стаканы стаканами, а хвостатые подружки где только с ним не побывали!

– *Парус поднять и плыть, найерелла*, – затянул высокий страдальческий голос.

– *Нам плыть далеко*, – откликнулось трое или четверо. – *Неси, красotka, вино, Найе-релла-лерела, Нам плыть далеко...*

Еще бы не далеко! От Хексберг до Ардоры против сорвавшегося с цепи швана... Они крались вдоль берега, прятались, лавировали и ведь дошли, господа селедки! Дошли и пьют, а свернувшие на север – на дне!

Кружку поднять и пить, найерелла,
Нам пить до утра, пока отлив не настал,
Найерелла-лерела,
Нам пить до утра!..

– Это вы Юхан Ключкатор? – Незнакомый человек в простом темно-зеленом платье уселся на служащий стулом бочонок.

– Ну я, – буркнул Добряк, досадуя на гостя за испорченную песню, – дальше что?

– Дальше, – странный гость махнул подавальщику, – кэналлийского, милейший... Красного. Начальник таможни полагает вас человеком умным и деловым. Он посоветовал мне вас разыскать.

– С чем вас и поздравляю. – Если по делу, сам скажет, на шею кидаться не станем.

– Благодарю. – Незнакомец и не подумал обидеться. – Я хочу услышать о сражении.

– А чего о нем говорить? – Юхан пожал плечами и убрал рыбодев от греха подальше. – Все без меня разболтали. Шкипер еще по таможням прыгает, а команда уже по кабакам языками чешет...

– Моряки – люди душевные, – согласился чужак, – чем больше пьют, тем больше вспоминают. Ваши матросы вторую неделю клянутся, что разглядели герцога Алва на борту талигского корабля. Это правда?

– Правда. – Еще б не правда! Под Ворона хоть армию списывай, хоть эскадру, хоть интенданта с солониной и полотном. – Вот лейтенант соврать не даст, он со мной был, когда на мою посудину их зверюга выскочила. Трехпалубная, пушек десятков восемь, не меньше, а на юте – Ворон. Без плаща, без шляпы, в руке – шпага, волосы дыбом... Как сейчас перед глазами стоит.

– Как же вы спаслись?

– Свезло. Фрошеры пушки перезаряжали, только верхними разок саданули, и все. Потом подвернулась посудина покрупнее, на нее они и насели, а нас Создатель укрыл и спас. Только груз за борт покидать пришлось, мели в бухте, сами знаете...

– Я не знаю. – Гость ловко ополовинил стакан. – Но мой друг из таможни говорит, что берега у Хексберг и в самом деле дурные. А где были дриксенские адмиралы, когда на вас напал Алва?

– Дрались где-то. – Нашли дурака болтать про Бермессера, проще на бочку с порохом взгромоздиться и запал поджечь. – Дыму было много.

– Герцога Алва вы разглядели даже в дыму.

– Разглядел, – огрызнулся Добряк Юхан, отворачиваясь от надоеды. – Попробуй такого не разгляди!

– В самом деле.

Подвыпивший здоровяк налетел на подавальщика, тот пошатнулся, кувшин с тинтой грохнулся на пол, разлетелся вдребезги, по доскам растеклась роскошная темно-красная лужа. Дурная примета, теперь пьянчугу до Весеннего Излома не возьмут ни на один корабль...

– Шкипер, – голос гостя стал ласковым, словно у монаха, – расскажите, что вы видели на самом деле. Поверьте, говорить правду выгодно. Даже выгодней, чем торговать воинскими припасами.

Зеленый рукав метнулся к поясу, Добряк напрягся, но гость вытащил всего-навсего кошелек и дернул тесемки. На сукно, звеня, посыпались таллы. Зрелище было, прямо сказать, красивым, но Юхан был Добряком, а не дураком. Откажешься от своих слов, а потом куда? Сидеть в Ардоре и трястись при виде дриксенского флага?

– Нет, – отрезал шкипер, почти без сожаления глядя на золотую россыпь, – не возьму греха на душу. Что видел, то видел, а видел я Ворона, а не Бермессера. Вот этими вот глазами видел, чтоб мне крабей теще достаться!

– Господин Ключкатор, – нахмурился незнакомец, – вы меня обижаете. Если вас едва не утопил Кэналлийский Ворон, так и говорите. Чем больше, тем лучше. Считайте, что я взял во фрахт ваш язык и языки ваших матросов. Вы не видели Бермессера, вы видели Алву и чудом уцелели, потеряв груз...

– Именно, – пробормотал Юхан, и гость исчез, оставив золото, кошелек и онемевших собеседников.

Добряк чихнул и потер виски. Вокруг по-прежнему гуляли. Между сдвинутых столов двое моряков изображали что-то гайифское. Один, с бумажной розой в зубах, мелко перебирая кривоватыми ногами, нарезал круги вокруг здорового матроса. Тот под гогот зрителей отворачивался, жеманно отставляя похожие на коленки локти. На голове его был имперский колпак.

– Я бы на вашем месте убрал выручку, – пришел в себя Леффер, – она привлекает внимание.

– Отсчитайте треть, вы в доле. – Кто был этот зеленый? А, не все ли равно! Добряк сгреб свою часть со стола и крикнул подавальщика, но подошел хозяин. Надо же, как у них тут шустро.

– Настойки? – Ноздри Одноухого раздувались в предвкушении выручки. – Тинты?

– Касеры! – Юхан бросил на стол два золотых. – Для всех. И «найереллу». Четыре раза!

Не зря же его, в конце концов, прозвали Добряком, а такую удачу нужно полоскать долго, тщательно и не в одиночку. Ну а дурак-интендант пусть кормит крабих, так ему и надо, нечего было спорить! Нечего лезть в море, если ты такой слабый и такой верноподданный!

– *Обо всем забудь и пей, найерелла*, – потребовала скрипка. – *Все позабудь и пей*.

– *Завтра на дно пойдешь*, – заорал не отличавшийся слухом Добряк, обхватывая одной лапой Леффера, а другой – вынырнувшего из чада племянника. – *Найерелла-ла, найерелла-ла, поскорее забудь и пей...*

3

Замурзанный особняк в конце Горчичного тупика был предпоследним домом в Ракане, куда Ричард явился бы по доброй воле, но выбирать не приходилось. Единственный след, каким бы ненадежным он ни казался, вел к Салигану.

Марианна в подслушанный разговор не верила, Дикон был согласен, что разобиженная служанка врет. Ваннина ничего не слышала, но видеть, как Салиган шепчется с истопником, могла. Разумеется, речь шла не о похищении. Никто бы не стал нападать на баронессу, когда у нее гость, тем более такой, как Эпинэ. Ошибка исключалась, разбойники целили в Робера, и за ними кто-то стоял. Для убийства Окделла Манрики выбрали северянина, для устранения Эпинэ годился ординар из Ариго, только совести у неяхи-маркиза оказалось меньше, чем у капрала. Ричард приподнялся в стременах, рассматривая голубиную стаю на крыше. Разговор предстоял неприятный, и откладывать его не следовало.

– Джереми, стучите.

Слуга молча слез с седла. Солдат до мозга костей, он исполнял свои обязанности так, словно утреннего признания не было. Каким бы ординаром мог стать Джереми, но сюзерен решение принял: новых дворян в Талигойе не будет. Что ж, Джереми Бич не станет бароном, но до полковника дослужится. До полковника и пожизненного коменданта Надорского замка!

– Господина Салигана нет дома, – объявил будущий комендант, – он с вечера уехал.

Не ночевал дома. Это могло что-то значить, а могло быть совпадением.

– Когда маркиз вернется?

– Привратник говорит, что не знает. – Джереми лишь слегка выделил слово «говорит», но Ричард понял: Бич привратнику не верит.

– Думаешь, врет?

– Да, монсеньор.

– Мы осмотрим дом. Полковник Нокс, капитан Криц, держитесь за мной.

Нокс кивнул, прихваченный в последнюю минуту капитан цивильников ничего не понимал и ничего не спрашивал.

– Господина нет, – слуга Салигана походил на маркиза больше хозяина, – господин уехали...

– Я слышал, – бросил Дикон, чувствуя за собой дыхание солдат. – Капитан Криц, ваше дело, чтоб никто не вошел и не вышел. Где комнаты маркиза?

– На втором этажа, но господин не велели...

– Показывай дорогу!

– Слушаюсь, монсеньор. – Привратник больше не спорил, но Дик на всякий случай кивнул Джереми: пусть присмотрит.

Лестница была широкой, но запущенной до предела – ни ковров, ни светильников, только мутный зимний свет, пробивающийся в заляпанные окна. На площадке между этажами мраморная девица страстно обнимала кого-то змеехвостого, рядом ежилось давным-давно высохшее деревце в кадке, из которой торчали горлышки бутылок.

– Криц, оставьте здесь двоих, – велел Ричард, – мы займемся личными комнатами, а вы соберете слуг там, где я смогу их расспросить. Джереми вам поможет.

Цивильник согласно кивнул. Он казался смысленным и расторопным, но его выбирал Айнсmeler.

На втором этаже в ряд выстроились аж четыре кадки с ветвистыми скелетиками, на одном еще держалась пара овальных листочков.

– Налево, монсеньор, – сообщил слуга и замялся: – Прошу простить... Мне было приказано...

– Что тебе было приказано? – не выдержал Дик.

– Никого не пускать, – отрезал выплывший из коридора Салиган и зевнул. – Терпеть не могу гостей.

– Сожалею, – бросил Ричард, – у меня к вам неотложное дело.

– К вашему сведению, молодой человек, – маркиз зевнул еще раз, – я вообще не принимаю, это слишком хлопотно. Если вам захотелось скоротать вечер в моем обществе, поедemте к Марианне.

Ничего не знает? Или знает все и ломает комедию? Нокс и дюжина надорцев за спиной гостя к светской болтовне не располагают. Честный человек сразу спросил бы, в чем дело, а Салиган вертится ужом. Мокрым.

– Я был у Капуль-Гизайлей. – Дик внимательно посмотрел в припухшие глаза. – После чего поехал к вам.

– Оставив баронессу? – удивился хозяин. – Кто же вас спугнул? Граф Гонт, помнится, занят, граф Савиньяк за тридевять земель, а виконт Валме и того дальше.

– Вам многое известно, – Дикон постарался улыбнуться, – откуда?

– Эти тайны известны даже котам, – усмехнулся картежник. Он выглядел еще более неопрятным и сонным, чем всегда, возможно из-за украшенного винными пятнами халата. – Хотите сыграть, возвращайтесь к Капуль-Гизайлям, а я к вам присоединюсь.

– Я не играю, – отрезал Ричард, с трудом сдерживая отвращение.

– Удивительно. – Маркиз поплотнее запахнул халат. – Тогда я тем более не представляю, зачем вы явились, да еще с таким эскортом.

– Вам известно, что произошло ночью? – резко бросил Дик прямо в опухшую физиономию.

– Произошло? – Маркиз подавил очередной зевок. – Где именно? Мир велик.

– В доме Капуль-Гизайлей.

– Значит, я ошибся, и вы ушли от баронессы в надлежащее время. – Салиган поклонился. – Примите мои извинения. И поздравления.

– Меня вызвали ранним утром. – И как Марианна терпит этого шута в своем доме?! – Очень ранним.

– И вы пошли? – восхитился Салиган. – Я на подобную галантность не способен... Так мы отправляемся к Марианне? Если да, я намерен переодеться.

– Монсеньор! – Криц. Надо полагать, они с Джереми собрали слуг. Очень кстати.

– Слушаю, капитан.

– Монсеньор, – негромко произнес цивильник, – мы кое-что нашли. Мне кажется, вам нужно это видеть.

4

Скрученные гобелены, раскрытые сундуки и ящики. С посудой, кубками, подсвечниками. Алатский сервиз с леопардами. Еще один с несущимися во весь опор всадниками. Хрусталь, фарфор, бронза, серебро, эмали, седоземельские меха, гайифские шкатулки с гербами: Килеаны, Ариго, Манрики, Ко-линьеры, Штанцлеры, Фукиано...

– Эти сервизы, – Криц указал на идущих по алому леопардов, – были вывезены из особняка Ариго перед погромом. Их искала вся городская стража и таможенники.

Салиган связан с Ариго? Это он написал письмо, едва не погубившее Катари?!

– Откуда вы знаете про сервизы? – Ги и Иорам не стояли ни своего имени, ни своей сестры, но пусть их тайны останутся тайнами.

– Я начинал на таможне, – равнодушно пояснил цивильник. – Мы искали тайно провезенные товары, но иногда приходилось заниматься другими делами...

– Мы поговорим об этом. Итак, сервизы Ариго хранились здесь?

– Нет. – Криц был доволен, как загнавшая дичь дайта. – Их нашли в доме некоего Капотты. Он долгое время служил в Гайярэ ментором. Найденное таможня передала на хранение в тессорию³. Когда сбежали Манрики, исчезло много ценностей. Считалось, что их вывезли в Придду.

Какая мерзость! Одни сражаются, другие шарят по опустевшим домам в поисках поживы. Дикон, не зная зачем, тронул алое блюдо. Теперь оно принадлежало графу Жермону, но он в Торке, а в Ракане слишком много мародеров. Придется взять наследство Ариго на хранение, благо места хватает...

– ... картины кисти Альбрехта Рихтера принадлежали маркизу Фукиано. – Криц добросовестно перечислял найденные сокровища: – Украшенный бирюзой кинжал украден из особняка Залей прошлой весной, серебро Килеанов... Тоже было передано в тессорию...

– Стойте! – Узкий серебряный футляр с гравировкой. Гроздь глицинии и сплетенные буквы «К» и «А». Ричард сам не понял, как вещь оказалась у него в руках. Нежно тенькнул замочек, на черном бархате знакомо и зло сверкнула звезда.

– Алая ройя. – Какой грубый у таможенника голос, грубый и навязчивый. – Числится в описи вещей, исчезнувших из дворца после пленения Оллара.

– Он обокрал королеву. – Ричард смотрел на кровавую каплю и не верил собственным глазам. – Королеву?!

– Всего лишь жену узурпатора. – Оказавшийся за спиной Салиган захлопнул один из сундуков и уселся сверху, закинув ногу за ногу. – Давайте остановимся на этом, в противном случае вы проснетесь со мной в одной постели. В Багерлее.

– Маркиз Салиган, – мерзавца нужно вздернуть в Занхе, как «висельника», – у вас обнаружены не принадлежащие вам вещи!

³ В казну, ведомство тессория.

– Допустим. – Отвратительное лицо расплылось в улыбке. – А сколько не принадлежащих вам вещей будет обнаружено у вас? Хотя что это я говорю? Какое там «у вас»... Своего дома у Окделлов в столице нет уже лет пятьдесят.

– Замолчите, или я за себя не ручаюсь! – Если б не цивилистики, он бы знал, как говорить с этой мразью, не цивилистики и не должность!

– Разрубленный Змей! Вы всерьез вообразили, что у вас больше прав на вино и побрякушки Ворона, чем у меня на тарелки Ариго? Увы, мой юный друг, пред Создателем все мародеры равны, хотя ваши заслуги больше моих. Я за Ариго перчатки не таскал!

– Государь освободил нас от ложных клятв. – Святой Алан, сколько его будут попрекать Вороном?! – Сюзерен ценит настоящую верность, тебе этого не понять, слышишь, ты, вор?!

– Вор? – осклабил Салиган. – Только после вас. Вам скормили дом Алвы. Вы проглотили. Сейчас я возьму ночную вазу Колинъяров и преподнесу вам. Или вашему полковнику.

– Не смей равнять себя с государем! – заорал Ричард. – Еще одно слово, и...

– Монсеньор, – Нокс непостижимым образом оказался между Диком и Салиганом, – монсеньор, разрешите мне задать этому человеку несколько вопросов.

Полковнику легче, для него Салиган просто вор, которого подозревают в убийстве. Нокс может быть беспристрастным, Окделл – нет.

– Задавайте. – Дикон рванул воротник, чувствуя, что сейчас задохнется. – А потом – в Багерлее! За оскорбление Его Величества и мародерство.

– Да, монсеньор. – Ричард Салигана не видел, только две прямые, черные спины – Нокса и вставшего с ним рядом Джереми. – Салиган, ваше участие в грабежах доказано, но вы уличены еще в одном преступлении. Камеристка баронессы Капуль-Гизайль слышала ваш разговор с истопником Гильермо. Речь шла о покушении на жизнь герцога Эпинэ.

– Ваннина врет. – Какой гадкий голос, словно железом по стеклу. – Может, я и сказал истопнику пару слов. У Марианны всегда слишком жарко, все остальное – бабы выдумки...

– Было бы выдумками, не случись нападения. Герцога Эпинэ спасло лишь мастерство фехтовальщика. Двое разбойников в наших руках. Они признались, что в дом их впустил Гильермо, он же показал потайную дверь в будуар баронессы, о которой не подозревала даже она.

– Марианна никогда не знала, что творится у нее в доме, – каркнул Салиган. – Удивительная беспечность...

– Зато дом Капуль-Гизайлей знаете вы, – все тем же ровным голосом продолжал Нокс. – Показания Ваннины, захваченных разбойников и герцога Эпинэ полностью вас изобличают.

– В таком случае не я злоумышляю против Эпинэ, а он против меня, – огрызнулся маркиз. – Надеюсь, у Иноходца достанет смелости не прятаться за чужие спины.

– Повелитель Молний ранен. – Ричард отстранил Нокса и вышел вперед. – Ваше мерзкое общество ему повредит.

– Тем не менее, – торопливо произнес Нокс, – Первый маршал Талигойи засвидетельствовал, что его спасла баронесса Капуль-Гизайль. Это полностью снимает подозрение с хозяев дома, зато ваш разговор с истопником приобретает решающее значение.

– Марианна всегда предпочитала герцогов. – Глаза Салигана уперлись в Дика. – Вполне понятное желание для дочери птичницы. Но, выбирая из парочки Повелителей, баронесса предпочтет живущего в собственном доме, учтите это.

Убить нельзя. Придется молчать, стиснуть зубы и молчать, пусть говорит Нокс, он не даст увести себя в сторону.

– Господин Салиган, – отчеканил словно подслушавший мысли Ричарда полковник, – вам остается либо признаться, что может облегчить вашу участь, либо отправиться на виселицу как вору и убийце. Почему вы преследовали герцога Эпинэ?

– Преследовал? – Кажется, до наглеца дошло, что он попался. – О нет. Я всего лишь оказал услугу одному господину, которому Эпинэ мешал.

– Кому? – рывкнул Ричард. – И за сколько?

– Представьте себе, даром, – выпятил губу Салиган. – Я всегда играл честно, а фамильных драгоценностей и лошадей при честной игре не напасешься. Герцог Окделл должен меня понять.

– Это не имеет отношения к делу!

– Имеет, – у Салигана хватило наглости подмигнуть, – причем самое непосредственное. Упомянутый господин разузнал, из каких средств я плачу долги чести. Он попросил меня об услуге, и я ее оказал. А что мне оставалось? Господин был слишком настойчив, а я не сомневался, что мой способ играть честно не найдет одобрения ни у Его Величества, ни у господина Эпинэ, ни у вас. И я не ошибся.

– Нет, – задыхаясь от отвращения, подтвердил Дик, – не ошиблись.

– Видите, как все сходится. – Неряха снова подмигнул. – Сначала от меня требовались сущие мелочи. Ввести в дом Капуль-Гизайлей нескольких кавалеров. Разумеется, я это сделал. Барон с баронессой были рады. Марианне нужно кормить левретку и мужа, а мужу – кормить птичек. Тем более вы, Ричард, не спешили возобновить столь очаровательное знакомство. Видимо, стали более рачительны. Одно дело, когда за любовь платит эр, совсем другое – расставаться с побрякушками, которые вы считаете своими...

– Маркиз Салиган, – Нокс тоже не был каменным, – вы испытываете наше терпение. Потрудитесь не отвлекаться.

– Как вам угодно. – Салиган встал с сундука и издевательски поклонился. – Меня обещали оставить в покое, если я помогу отправить Иноходца к его братьям. Выбора у меня, как вы понимаете, не было, и я обратился к Гильермо, с которым был знаком и раньше. За сорок таллов старик Паччи согласился стать дядей. Воспитатель морискилл с ходу склевал нашу выдумку, а Марианна до истопников не снисходит... Все было готово, но Эпинэ в гости не спешил. Вчера, насколько я понимаю, он явился, но убить себя не позволил.

Похоже на правду, очень похоже. Убийцы нашли подходящее орудие, но оплошали с жертвой. Повелитель Молний оказался Олларам не по зубам.

– Вы удовлетворены? – осведомился Салиган, вновь устраиваясь на сундуке. – Или желаете что-нибудь еще?

– Вы все еще не назвали имени вашего знакомого, – напомнил Нокс.

– В самом деле? – почесал щеку маркиз. – Это потому, что я не знаю, как правильней его называть, Удо Борн или Удо Гонт?

Удо? Святой Алан, Удо!

– Ты врешь! – Неужели можно ненавидеть еще сильнее, чем минуту назад. – Врешь! Это не он!

– Проверьте. – Щека мерзавца дернулась. – Вранья служанки вам хватило, чтобы вломиться в дом маркиза. Надеюсь, показаний маркиза достанет, чтобы вломиться к графу. Или господин цивилиный комендант отпустит убийцу друга?

– Ваши показания будут проверены, – деревянным голосом отозвался Ричард, – и пеняйте на себя, когда мы докажем вашу ложь.

5

– Господин замещающий капитана гвардии у себя, – отчеканил порученец.

– У него кто-нибудь есть? – Рыться в вещах Удо при посторонних он не станет. До утра ничего не случится, но какое же пакостное дело! И ведь не повернешься, не уйдешь! Ричард Окделл может отступить, Повелитель Скал и цивилиный комендант Раканы – нет.

– Граф Гонт один. – Порученец ничего не подозревал. Еще бы, такое и в дурном сне не приснится.

– Мы доложим о себе сами, – распорядился Ричард, открывая дверь. – Скажите, чтобы нас не беспокоили. Полковник Нокс, виконт Мевен, идемте со мной. Остальные ждут в приемной.

Гвардеец отступил, красиво шелкнув каблуками, пропуская старого друга к старому другу, гражданского коменданта к командующему гвардией.

Удо сидел за столом у окна и что-то писал. Стук заставил его поднять голову.

– Я же просил... А, это ты. Что-то случилось?

Поднявшийся сквозняк пригнул язычки свечей, и Мевен торопливо прикрыл дверь. Слишком торопливо.

– Нет... Не совсем. – Святой Алан, как объявить человеку, что его обвиняют в покушении на друга? – Удо... Граф Борн... Граф Гонт, маркиз Салиган утверждает, что вы принудили его... нанять «висельников», чтоб убить герцога Эпинэ. Я понимаю, это не так, но, понимаешь... Цивильный комендант должен расследовать... Робер – Первый маршал, а Салиган... Мой долг...

– Ты, главное, не волнуйся. – Удо отложил перо и присыпал песком документ. – Так почему, говоришь, я хотел убить Иноходца?

– Ты хотел стать Первым маршалом. И еще из-за Марианны. – Лишь произнес обвинения вслух, Дик осознал всю их нелепость. Удо внимательно выслушал и поправил воротник:

– Если достаточно моего слова – вот оно. Я не имею никакого отношения к нападению на Робера. Если нет, ничем не могу тебе помочь. Или лучше говорить «вам»?

Обиделся. А ты бы сам не обиделся, ввались к тебе Спрут с обвинениями в покушении на Альдо? Проклятая должность, а некоторые еще ей завидуют!

– Удо, – начал было Дик и замолчал, вспомнив, что они не одни. Гимнет-капитан и полковник стояли так тихо, что юноша про них позабыл. – Граф Гонт... – Слов не находилось, но Удо понял и так.

– Хорошо, – бросил он, поднимаясь, – не собираюсь тебе мешать. Ты осмотришь только кабинет или сразу пошлешь людей ко мне домой? Я могу написать дворецкому.

– Не нужно. – Дик еще никогда не чувствовал себя так мерзко. – Довольно кабинета.

– Не довольно. – Удо прошел к камину и пошевелил угли. – Осмотреть дворцовые апартаменты и не осмотреть дом – не осмотреть ничего. Если не хочешь сплетен уже на свой счет, придется заехать в гости.

– Ты должен поехать с нами.

– Если Мевен будет настолько любезен, что объяснит Темплтону, почему я его не дождался, – холодно бросил Удо. – Мне не нужны слухи.

А кому нужны? На месте Удо может оказаться кто угодно: Мевен, Дуглас, Эпинэ, он сам. Ричард представил, как роются в его бюро, перетряхивают книги, заглядывают в сундуки и гардеробы. И все из-за вконец обнаглевшего вора!

Надо сегодня же разобрать бумаги и сжечь ненужное, особенно стихи. Они все равно никуда не годятся...

– Монсеньор, – напомнил Нокс, – прикажете осмотреть комнату?

– Нет! – отрезал Ричард. – Мы уходим. Слова Гонта мне довольно.

То ли от разгоревшегося камина, то ли от ненависти к Салигану стало жарко. Ричард бросился к окну и рванул раму на себя, впуская ночной холод. Воспрянувший сквозняк плеснул занавесками, сорвал пламя с ближайшей из шести свечей, сбросил со стола недописанную бумагу, и Дикон едва успел ее подхватить...

Глава 4

Ракана (б. Оллария)

400 год К. С. 4-й день Зимних Скал

1

Секретарь Левия походил на секретаря Адриана, как морискилла на коршуна. Брат Козимо вышагивал как капрал, белобрысенький Пьетро косился перепуганной левреткой.

– Я не слишком быстро иду? – прошелестел монашек, тряся четками. – Если Ее Высочество...

– Не слишком, – отмахнулась Матильда, взбираясь по скользкой от мокрого снега лестнице. Вообще-то старухе с юга при виде губок бантиком и голубых глазок полагалось расслабиться, а было противно и стыдно. За себя, семнадцатилетнюю, влюбившуюся в слезливого принца. И за белокурого внука, на второй день царствования угробившего прорву народа.

– Осторожней, здесь порог.

– Вижу. – С Левием следовало говорить раньше. Если кто и мог удержать внука, так это кардинал, да и то до коронации, а теперь вино прокисло, остался укус. Хочешь – пей, хочешь – лей...

– Ее Высочество к Его Высокопреосвященству!

– Спасибо, Пьетро, вы свободны.

Перед кардиналом следовало преклонить колени, но колени болели, да и пришла она не к духовнику, а к другу Адриана.

– Мы можем пройти в исповедальню. – Кардинал выглядел хуже некуда, одно слово – Дора. – А можем выпить шадди. Или моя принцесса желает чего-нибудь покрепче?

– Покрепче, – не стала ломаться Матильда, – и побольше.

Левий усмехнулся, отпер бюро, вытащил внушительный четырехгранный графин.

– Настойка на зеленых орехах, – объявил он, – помогает при болезни сердца. Или печени, или еще чего-нибудь. Главное, помогает, но шадди я все равно сварю. Для себя – вы можете не пить.

– Совсем не ложились? – Запах шадди, дыма и свечей, такой знакомый и спокойный. Прикроешь глаза – молодость, откроешь – старость.

– Ложился, – заверил кардинал, разливая настойку в знакомые до одури серебряные стопки. – Генерал Карваль закончил свои... благие дела еще вчера, в городе спокойно, Эпинэ придет в себя завтра или послезавтра. И почему мне было не лечь?

– Выспавшиеся люди выглядят иначе, – уперлась Матильда, принимая стопку.

– Лежать не значит спать. – Левий пошевелил лопаткой темный песок. – Когда и думать, если не ночью?

Адриан тоже ночи напролет думал и пил шадди. И жаровня у него была такой же, со спящими львами.

– Юнний шадди не пьет. – Кардинал то ли проследил взгляд гостии, то ли просто догадался. – И не шадди тоже. Преосвященный Оноре отдал мне жаровню Адриана и кое-что из его вещей. Из его личных вещей, их было немного. Так что вас беспокоит?

Матильда допила настойку и поставила стопку на стол черного дерева. Напиток был крепким, почти тюрегвизе, только вместо перечного огня – вяжущая горечь.

– Я ничего не могу сделать, – призналась принцесса то ли себе, то ли Левию, то ли умершему Адриану, – ничего...

– Церковь дарит утешение многим, но не нам с вами, – мягко произнес кардинал. – То, что произошло, уже произошло. Вы можете что-то изменить? Я – нет! Значит, надо жить дальше. Вам сейчас плохо, но разве это первый раз?

– Не первый. – Матильда потянулась за графином, но Левий ее опередил. Булькнула, полилась в серебряное наследство коричневая с прозеленью струя. Вот бы напиться до потери если не сознания, то памяти.

– Что вас напугало? – Его Высокопреосвященство вытащил свою посудину из жаровни и, сощурившись, переливал шадди в чашки. – Армии на границах? Дора? Айнсмеллер?

– Этот мерзавец получил свое! – Зачем она кричит? Все уже случилось, как сказал Левий. Кровавые лоскутья засыпали песком и вместе с ним вывезли. Можно было не смотреть, но она смотрела.

– Айнсмеллер заслуживал казни, – кардинал задумчиво смотрел в пустую жаровню, – но он был не казнен, а убит. В святом монастыре, но это не приблизит к Рассвету ни убийц, ни убитого, ни свидетелей. Вы будете шадди?

Матильда кивнула и выпила настойки. В юности она видела, как убивали конокрадов, а однажды около Сакаци схватили вдову, свалившую в одну могилу убитого с убийцей. На закате ведьму сожгли в собственном доме, это было правильно, это защищало живых...

Что-то мягко и тяжело шлепнуло об пол. Кошка! Соскочила откуда-то сверху, пошла к окну.

– Ее зовут Альбина. – Кардинал смотрел на гостью и улыбался уголком рта. Вдовствующая принцесса поджала и без того скрытый тряпками живот:

– Ваше Высокопреосвященство, – сейчас она напьется и назовет кардинала Левием, да он и есть Левий, – вам не тошно в вашем балахоне?

– Не тошней, чем вам в парике, – улыбнулся клирик. – Увы, основатели Церкви попали в незавидное положение. Абвениаты расхватили все цвета, хотя, если исходить из того, что наш мир создали их боги, все права за ними.

– Адриан любил красный. – Матильда словно вживую увидела алого льва на сером бархате и кардинальское кольцо с рубином.

– В нашем ордене... то есть в ордене Славы, равнодушны к алому. – Левий отставил шадди и скрестил руки на животе. – Так повелось с Чезаре Марикьяре. Он так и не расстался с Молнией, и не он один. Льву присягали многие Эпинэ.

– А Руций? – Кладбище Семи Свечей, львиное надгробие, каменные лапы, обернувшиеся руками, рыцарь, похожий на постаревшего Иноходца, – было это или приснилось?

– Руций? – переспросил кардинал. – Который из двух?

– Тот, что похоронен в Агарисе. Мне показали его могилу на кладбище Семи Свечей.

– Они оба там. – Левий казался удивленным. – Руций Первый был сыном ординара из Придды, Руций Второй – подкидышем. Ходили слухи, что он сын Шарля Эпинэ от какой-то мещанки. Его Святейшество их не опровергал, но и не подтверждал. А в чем дело?

– Я видела на его могиле оллариянца. – Спросить, что ли, считается ли соитие с ожившей статуей грехом или нет? – Сумасшедшего.

– Где? – не понял Его Высокопреосвященство. – В Агарисе?

– Именно. – Настойка делала свое гнусное дело. – Разгуливал по кладбищу и нес всякую чушь. Вы знаете, что такое фокэа?

– Женщина, вышедшая замуж в дом Волны. Теперь так не говорят. А кого так называли?

– Меня, – не стала юлить Матильда. – Оллариянец назвал, а еще он сказал, что я не проклята. Болван!

– Вы не можете быть прокляты, – сверкнул глазами Левий, – как не может заржаветь золото.

– Я не золото, – не поддаюсь на лесть вдова. – И что вся эта пакость, как не проклятье?! Альдо никакой король, но балбес жив, пока сидит на троне... И он должен жить!

– Ваш внук верит в свое предназначение, – вздохнул Левий, – а удача к нему и впрямь благосклонна. Он еще не отыскал меч?

– Нет.

– Когда отыщет, я отдам ему жезл, – кардинал подтянул к себе чашку, наверняка остывшую, – и тогда он обретет древнюю Силу. Или, что вернее, не обретет, но с ним станет можно разговаривать. Пока это бесполезно. Единственное, что нам остается, это хватать Его Величество за руки и искать меч... Вы представляете, где он может быть?

– Вы бываете в Багерлее... Альдо от этого чуть ножки у стульев не грызет. Спросите Ворона.

– Увы, – улыбнулся Левий, – этот человек не из тех, кто отвечает на вопросы. Если б вы его видели, вы бы поняли, но я не стал бы вас к нему пускать. Нет, не стал бы.

Ох уж этот мужской взгляд! Она помнит его лет с пятнадцати. Так смотрел юный Ферек, так глядит Лаци. Левий понял, что она заметила, и нахмурился. Сейчас вспомнит о чем-нибудь неотложном. Адриан, тот вечно о донесениях из Эйнрехта вспоминал.

– Я навещаю не столько Ворона, сколько его тюремщиков, – значительно произнес Его Высокопреосвященство. – Не хотелось бы, чтоб они вновь не поняли Его Величество или, напротив, поняли слишком хорошо.

Вот мы и вернулись, откуда пришли. К внуку, которого надо унять. Твою кавалерию, ну почему Оллар подарил Ворону меч Раканов, а не другую железяку?!

– Я был другом Его Святейшества, – рука кардинала накрыла ладонь принцессы, – а теперь, смею надеяться, я друг великолепной Матильды. И я уже говорил, что предпочитаю не обманывать чужого доверия...

– Я, кажется, еще ничего вам не доверяла, – громче, чем нужно, заявила принцесса. – И я больше не стану пить.

– Не вы. – Левий усмехнулся и поставил графин на стол. – Я обещал Адриану позаботиться о вас, вашем внуке и вашей... воспитаннице. Это одна из причин, по которой я оказался в Талиге. Есть и другая, куда менее приятная... В чем дело, Пьетро?...

– В чем дело, Пьетро? Я занят!

– Я так и сказал, – заморгал секретарь, – но прибывший... Он спрашивает не вас, а Ее Высочество. Срочно.

Кого это принесло? Альдо затеял очередной совет, на нем бабка не нужна, Лаци к кардиналу за гицей не ползет, Робер болен, да и нет у них общих дел. К сожалению.

– Гость себя назвал? – тоном не голубя, но льва осведомился Его Высокопреосвященство.

– Его имя Дуглас Темп... – мемкнул агнец. – Темплон.

– Темплтон, – поправила вдовствующая принцесса. – Ваше Высокопреосвященство, пустите его.

– Разумеется. – Кардинал тронул орденский знак. – Пьетро, пригласи Дугласа Темплтона, я его приму.

– Да, Ваше Высокопреосвященство. – Монах опустил глазки долу и убрался. Суслик щипаный!

– Позвольте. – Кардинал с достоинством убрал настойку и стопки в бюро, но чашки оставил. – В Агарисе был этот Темплтон или другой? Отец того, помнится, участвовал в восстании Борна.

– Участвовал. – Вдовица хлебнула остывшей горечи. Шадди, как всегда, напомнил о шаде, пистолетах, издохшей молодости. – А сам он – в восстании Эгмонта. Славный щеночек, не то что всякие обтрепки...

– Его Святейшество полностью разделял ваше мнение об окружении его высочества Анэсти, – кротчайшим голосом произнес Левий. Разделял? Как вежливо сказано!

– Адриан называл их тараканником, – объявила Матильда, – а они оказались клопами. Чего доброго, до пиявок разрастутся.

– Не успеют. – В глазах кардинала мелькнуло нечто, заставившее остывший шадди стать горячим. Муженек так никогда не смотрел, а вот Адриан... Любопытно, пускают в Рассвет не согрешивших по дурости?

– Ваше Высокопреосвященство, – вот только обменять доезжачего на кардинала не хватало, – как бы я хотела, чтоб вы оказались правы...

– А я хотел бы пройти путем Его Святейшества, – шепнул Левий, – и в сиянии свечей, и в тени кипарисов.

– Здесь нет кипарисов. – Все одно, как Лаци с Левием ни тасуй, Адриана не получится.

– Сударыня! – Влетевший в приемную Темплтон походил то ли на утопленника, то ли на удушенника. – Сударыня...

– Твою кавалерию, – растерялась Матильда, забыв, где она и с кем, – что с тобой? Ну?!

– Мевен сказал, – дернул небритой щекой Дуглас, – другому б не поверил... Робер без сознания... Я заезжал к нему, куда там...

– Молодой человек, – прикрикнул кардинал, – потрудитесь сесть, выпить и рассказать по порядку.

Темплтон послушно свалился на стул. Левий извлек убранный было графин, плеснул в чашку настойки, сунул чуть ли не под нос.

– В чем дело, сын мой?

Дуглас покосился на мившегося на пороге Пьетро и покачал головой.

– Выйди, – велел Его Высокопреосвященство секретарю. Монашек убрался, кошка Альбина на всякий случай запрыгнула на бюро.

– Ваше Высокопреосвященство, – собрался с силами виконт, – Удо Борн... то есть граф Гонт, взят под стражу по обвинению в государственной измене и нападении на Робера... то есть маршала Эпинэ.

– Удо? – не поняла Матильда. – Почему?

– Мевен не знает. – Темплтон глубоко вздохнул. – Удо взяли люди Окделла, на него показал Салиган...

Этот неряха?! Кто сегодня с утра пьет, она или Мевен?!

– Я помню маркиза Салигана, – пальцы кардинала ласкали белого эмалевого голубка, – неприятный человек. И, боюсь, ненадежный. Что бы он ни показал, слово и репутация графа Гонта стоят дороже.

– Я спрашивал Ричарда, – Дуглас отодвинул чашку, – он ничего не скажет. Нокс тоже молчит, а Удо... Как вспомню Айнсмеллера... И Робер, как назло, меня от своей тетки не отличит.

Тетки у Робера не было. Матильда одернула проклятую оборку и встала.

– Глупости, нашел с кем сравнивать... Я поговорю с Альдо, все утрясется.

– Мы поговорим, – поправил Левий. – Святой Адриан учит, что верящий наветам нечист помыслами, а заподозривший друга сам готов к предательству.

– Ваше Высокопреосвященство...

– Следует поторопиться. – В голосе клирика не было и следа недавнего жара, но оно и к лучшему. Матильда подобрала многочисленные юбки.

– Едем! Дуглас, выше голову, Удо мы не отдадим.

3

Офицер в лиловых полуденных тряпках торопливо преклонил колено. Гальтарские туники, дриксенские клинки и золото, золото, золото...

– Полуденные гимнеты припадают к стопам Ее Высочества, гимнет-тенъент Кавиот...

– Доложите Его Величеству, кто пришел. – Левин предпочел не дожидаться, когда припадут и к его стопам.

– Его Величество на Высоком Совете, – отчеканил расшитый пальметтами и меандрами петух.

– Я, – маленький клирик смерил взглядом высокого офицера, – Левий, кардинал Талигойский и Бергмарский, желаю говорить с Альдо Раканом. И буду говорить. Если король не выйдет, мы войдем и скажем всем то, что предназначалось лишь для ушей Его Величества.

– Повиновение... кардиналу. – Драться с клириком и королевской бабкой Кавиот не собирався. Левий усмехнулся и в сотый раз поправил своего голубка.

– Виконт Темплтон, будет лучше, если вы уйдете.

– Ступай ко мне, пусть Лаци тебя накормит.

– Хорошо. – У Дугласа хватило смекалки по всем правилам чмокнуть кардинальскую руку. Твою кавалерию, когда все они успели изовратиться, когда из родичей и друзей превратились в подданных?!

– Ваше Высочество, – мягко произнес Левий, – могу я попросить вернуться в свои покои и вас?

– Не можете. – Не хватает спрятаться под кардинальскую мантию. – Дуглас пришел ко мне, и, в конце концов...

– Любопытная фреска, – все так же мягко заметил клирик, – вернее, не сама фреска, а сюжет.

Матильда с готовностью взглянула на стену, где легковооруженный всадник мчался навстречу закованному в броню рыцарю.

– Насколько я понимаю, это первая встреча Франциска Оллара и Рамиро Алвы. – Кардинал едва не ткнулся носом в картину. – Святой Адриан записал зависть в грехи. Я, грешник, всегда завидовал высокому росту и хорошему зрению.

– Вы плохо видите? – За сближающимися всадниками высились городские стены, небо над ними было синим и веселым.

– В детстве мне запрещали читать, – лицо Левия стало задумчивым, – но я читал. По ночам, с коптилкой, которую сделал сам. Я узнал много нового, но глаза испортил, поэтому так и не выучился стрелять. Вы помните, каким стрелком был Его Святейшество?

– Помню. – Адриан как-то признался в любви к оружию. Почему он стал церковником? Кем он вообще был?

– Умный художник, – Левий никак не мог оторваться от фрески, – не унизил своего короля ни поражением, ни ложью. Замечательная вещь, жаль будет, если сотрут.

– До сих пор не стерли, и дальше не тронут. – А Удо тронули. Салиганова вранья оказалось достаточно, чтоб взять под стражу друга.

– Слава королю! – Стоявшие у двери олухи раздвинули алебарды, пропуская Его Величество.

– Нам доложили о вашем визите. – Королевская физиономия не сулила ничего хорошего, кардинальская была не лучше. – Мы удивлены.

– Мы тоже, – кивнул Левий, – мы были очень удивлены, узнав об аресте графа Гонта.

– Кто вам донес? – рыкнул Альдо. – Темплтон?

– Слуге Создателя не доносят, но доверяют, – отрезал кардинал. – Я говорил с Дугласом Темплтоном, и не он сказал мне, но я ему. Темплтон не знает, почему граф Гонт взят под стражу, более того, для него эта новость стала громом среди ясного неба, и теперь я спрашиваю тебя, сын мой.

– Королей не спрашивают, – набычился внучек, – и короли не отвечают.

– Короли и угольщики равно ценны в глазах Создателя, и я именем Его требую ответа. – Альдо был выше собеседника на две головы и младше лет на тридцать, при желании он мог поднять кардинала одной рукой. Не поднял.

– Граф Гонт – предатель, – изрек внук, теребя толстую, впору волкодаву, цепь. – Он покушался на жизнь герцога Эпинэ.

Этого Матильда вынести не смогла. Мевен знал Удо без году неделю, он мог повторять чужие глупости, Мевен, но не Альдо.

– Сбесился? – Если б не гимнеты у двери, вдовица схватила бы внука за шкуру. – Айнс-меллер – кошки с ним, но друзьями не швыряются!

– Удо не друг, – Альдо, надо отдать ему справедливость, говорил спокойно, – и никогда им не был. Он, к твоему сведению, еще и Суза-Муза. Это он нас выставил Леворукий знает кем.

– Сам ты себя выставил, Суза-Муза тебе только зеркало под нос сунул. Любуйся, голубчик! – Только бы не заорать! Только бы не заорать в голос. – И молодец, что сунул, иначе тебя не пропрешь. Глухарь на токовище и то больше соображает!

– Ваше Высокопреосвященство, – глухо бросил Альдо, – мы сказали, вы слышали. Гимнеты вас проводят, а нас ждет Совет.

– Никуда ты не уйдешь, – возвестила Матильда, заступая дорогу. Проклятые юбки при-
шлись как нельзя кстати, обойти заполонившую проход копну было невозможно.

– Ее Высочество права, – наклонил голову Левий, заходя во фланг. – Разговор не кончен. Вы обвиняете графа Гонта в покушении на жизнь герцога Эпинэ и в том, что он использовал имя Сузы-Музы, но обвинения не есть доказательства. Я настаиваю на разговоре с обвиняемым.

– Нет, – огрызнулся внук. – Это наше дело.

– Да, – вздернул подбородок Его Высокопреосвященство, – власть духовная превышает власти светской, отрицающий это есть еретик, подлежащий отлучению от церкви. Слуги Создателя возносят ввысь верных и праведных, и они же низвергают возгордившихся. Твоей власти, Альдо Ракан, нет и декады, она слаба и слепа, как новорожденный щенок. И ты слеп и слаб.

– Это вы слепы, – сжал кулаки Альдо. – Раканы вернулись навсегда по праву крови. Я рожден анаксом, мне не нужны ваши советы.

– Что ж, – не стал спорить Левий, – в таком случае я покидаю этот город. Непогрешим лишь Эсператор, а я всего лишь кардинал. Я ошибся, возложив корону на голову еретика и безумца, и готов нести ответ за свою ошибку.

– Хватит дурить! – прошипела Матильда, напрочь позабыв, где она и кто перед ней. Как ни странно, это помогло – внук глубоко вздохнул и улыбнулся. Виновато, как в детстве.

– Ваше Высокопреосвященство, простите меня. Когда человеку веришь как себе, а он предает... Я слишком верил Удо, мы все верили... Его бы никогда не поймали, если б не случайность. Борна застигли за составлением очередного письма Сузы-Музы.

Левий провел большим пальцем по эмалевым крылышкам:

– Я не вижу связи между нападением на Эпинэ и играми графа Медузы.

– Она есть, – скривился Альдо. – Удо сговорился с «висельниками», Робера спасло только чудо и уменье. Он – лучший из известных мне фехтовальщиков.

– Хватит зубы заговаривать, – пошла вперед Матильда. – Может, Удо дурака и валял, но Робера он не трогал!

– Пойдите, Ваше Высочество. – Левий просил, как приказывал. – Я хочу знать, на чем держится обвинение.

– Да ни на чем оно не держится, – отмахнулась Матильда, – вранье и есть вранье.

– Ваше Высокопреосвященство. – Глаза Альдо сверкали, но он сдерживался. – Ричард пришел к Гонту не просто так. У него были причины.

– Нашли кого послать, – буркнула принцесса. – Щенка безмозглого!

– Ты не веришь, потому что не хочешь. – Теперь Альдо говорил с ней и только с ней. – Я тебе завидую, ты это можешь, я нет.

– Я не верю, я знаю. Удо на подлость не способен.

– Хорошо. – Рука Альдо сжала ее пальцы. – Но постарайся представить, что отравить нас пытайся Удо. Ты готова простить и это?

– Готова. – До разоренных могил, Айнсмеллера, Доры не простила бы, а сейчас... Если б их с Альдо угробили еще в Агарисе, сколько б жизней уцелело.

– Будь по-твоему, – вздохнул внук, – ничего твоему Удо не будет, но в моей стране ему делать нечего. Лошадь, деньги и провожатых до границы он получит, и до свиданья. Вернется – пусть пеняет на себя.

Глава 5

Ракана (б. Оллария)

400 год К. С. 4-й день Зимних Скал

1

Ликтор ловко сворачивал бумаги и по одной передавал Мевену. Гимнет-капитан складывал подписанные королем свитки в окованный бронзой сундук, которому предстояло быть запечатанным обоими гимнет-капитанами, геренцием и гражданским комендантом. После поимки Медузы Дик полагал предосторожности излишними, но Альдо был обеспокоен больше, чем хотел показать. История с Удо и Салиганом показала, что ни дворец, ни посольская палата не являются безопасным местом.

– Печать наложена, – доложил Мевен.

– Печать наложена. – На Дэвида Рокслея смотреть было страшно, но от отпуска он отказался. Дик графа понимал: служба отвлекала от мыслей о погибшем брате и собственном бессилии.

– Печать наложена. – Геренций Врог напоминал подслеповатого хомяка, но сюзерен был им доволен. В чем, в чем, а в документах барсинский ординар разбирался.

Врог обеими руками поднял книгу-реестр и водрузил на подставку. Пора! Дик поднялся, стараясь не глядеть по сторонам. Он еще не привык, что в его честь ударяют в пол древками алебард, хоть это и было приятно. «Золото, меч, закон и этикет суть четыре камня, на которых стоит государство». Так писал Теотан Уэртский, над трудами которого сюзерен дневал и ночевал.

Врог раскрыл свой фолиант на нужной странице и с поклоном отступил. Еще вчера Дикон не глядя приложил бы печать, но Медуза-Борн научил не доверять никому, кроме сюзерена и себя. Ричард пробежал глазами опись разобранных дел – все было в порядке. Перо легко скользнуло по бумаге, оставив черно-синий след. Затем пришла очередь сундука.

– Печать наложена. – Юноша отнял перстень, оставив на белом королевском воске надорского вепря. – Да исполнится воля государя!

– Совет окончен, – устало объявил Альдо. – Мы отпускаем геренция и ординаров.

Врог поклонился и захлопнул книгу, двое гимнетов подхватили вместилище документов за бронзовые ручки, еще двое распахнули двери. Геренций и ликторы вышли следом, за ними потянулись ординары во главе с косым Краклом. Скамьи стремительно пустели – как же мало осталось в Талиге древней крови! Его Величество сжал подлокотники:

– Эории Талига, мы должны сообщить вам весть, которая изрядно нас огорчила. Граф Гонт оказался недостойн своего титула и своих предков. Он был застигнут на месте преступления, его вина полностью доказана.

Преступник подлежит суду и казни, однако мы не можем забыть о былой верности Гонтов и о том, что Удо Борн оказал нам и Талигойе неоценимую услугу, разыскав раненного в бою с войсками узурпатора герцога Окделла. Учитывая ходатайство Его Высокопреосвященства Левия и Ее Высочества Матильды Алатской, мы оставляем Удо Борну жизнь и приговариваем его к пожизненному изгнанию с лишением титула и дарованной нами собственности.

Удо Борн сегодня же навсегда покинет Талигойю, и ни он сам, ни его потомство не пересекут границу под страхом немедленной смерти. Мы же во имя чести эориев велим по возможности избегать разговоров о его преступлении. Герб Гонтов мы передадим ближайшему из потомков казненного узурпаторами Рутгерта Гонта.

И пусть наша мягкость в отношении Удо Борна не станет соблазном для прочих. Тот, кто оскорбит своего короля и поднимет руку на наших верных вассалов, умрет, какими бы ни были его предыдущие заслуги и кто бы за него ни просил. Да будет так, а теперь все, кроме герцога Окделла, свободны.

2

– Гица. – Лаци тщательно подкрутил смоляные усы, сейчас гадость скажет. – Куда ж теперь гици Удо подается?

– Я ему не бабка, – огрызнулась Матильда, предвкушая хорошую ссору. – Куда захочет, туда и поедет.

– А чего б ему в Сакаци не поехать? – закинул удочку доезжачий. – Да и нам заодно?

Домой хочет. Можно подумать, Оллария, тьфу ты, Ракана поперек горла одному Ласло Надю. Принцесса мотнула стриженной головой не хуже Бочки и уткнулась в присланные внуком побрякушки. Роскошные камни оправили заново, и это было противно. Лучше б тащил как есть: грабеж честнее кражи, недаром о разбойниках песни поют, а ворье на виселицу волокут, никто и не чихнет.

– Гица, – не унимался Ласло, – чего нам тут ловить? На гици Робера напали, гици Удо отъезжает, а мы чего?

– А того, – попыталась объяснить принцесса, – что Альдо не до конца сдурел. Может, одумается еще. Сотвори он с Удо что-то пакостное, уехала б...

– Ой ли, – свел брови доезжачий. Вот ведь зараза, вроде и злится, а глаза что у kota на крыше.

– Чтоб меня Охотнички стоптали, уехала бы!

Альдо, паршивец, это понял, потому и сдал назад. И снова сдаст. Бабка ему нужна, значит, сидеть ей в Талиге и хватать за хвост одной рукой внука, другой – Робера.

– Чтоб друга за подначку прикончить, – не унимался доезжачий, – не сдуреть надо, а взбеситься. Друзьями на Изломе только дурной швыряется.

– А он и есть дурной, – топнула ногой Матильда, – только внук он мне, понял? Сама такое вырастила, сама с ним и сдохну! А ты и вправду отправляйся, надоел!

– Ох, гица шутить мастерица, – в черных глазах вспыхнули искры, – только я от гицы никуда.

– А никуда – терпи! – велела Матильда. Любовник в ответ только головой покачал: терпел, дескать, и буду терпеть. Жаль, ночь далеко. Ее Высочество усмехнулась и высыпала дареное барахло из шкатулки с очередным Зверем. В блестящей кучке сверкнула живая искра. Ройя! Не хуже, чем у братца Альберта. Принцесса взяла холодную звезду двумя пальцами, поднесла к глазам. Краденый камень лип к рукам, к глазам, к сердцу, не отцепишься. Хозяина предал, а к ней пристал! Матильда швырнула ройю в шкатулку и встала.

– Надо дурня этого проводить, а то дороги не будет.

– Проводим, гица, – поддержал Лаци. – Только впятером дорога короче вчетверо. Сама гица, я при гице, да трое гици – Удо с Дугласом да Эпинэ. Крысюк-то его истосковался весь, как бы не окошел...

– Отстань! – Доезжачий сверкнул белыми зубами и отстал. Ну и пусть, она тоже отворачиваться умеет. Ее Высочество почесала щеку и уставилась в камин. Надо было в юности удрать с Фереком, а не с Фереком, так с Пиштой или с Шани. В Алати красавцев пруд пруди, но ей белокурый голубок понадобился. Вот и огребла на старости лет!

Что-то скрипнуло, потом еще раз. Лаци ходит легко, даже в сапогах, это паркет разохся, даром что дворцовый.

– Куда собрался? – Как пляшет огонь... Ему все равно, где гореть. Были б дрова, и ладно.

- На конюшню. – Морда волчья, стал и смотрит, аж затылок горит. – Коней промять.
- Собрался, так иди. – А вот не обернется она. Не обернется, и все!

Лаци улыбнулся, подошел к камину, присел, поворошил угли. Уходить мерзавец не собирався, а вот дверь запирать придется, чувствует ее сердце. Кочерга еще раз ткнула поленья.

- Хорошо горят, гица. Жарко.
- Жарко, – согласилась Матильда. Сосна, одно слово... Тьфу ты!

Двери надо запирать вовремя, особенно во дворцах. Не запер, сам виноват. Ее Высочество обернулась на стук со всей возможной царственностью. Лаци уже стоял у окна: руки сложен груди, волосы приглажены, вот ведь прохвост!

– Ваше Высочество, прошу меня простить. – Гимнет-капитан Мевен торопливо преклонил колено. Белая туника с рукавами и лиловым поясом превращала беднягу в какого-то мукомола. – Воля его Величества.

– Что случилось? – Принцесса не укусила визитера исключительно из личного расположения. Мевен был первым талигойцем, понравившимся принцессе без всяких оговорок. Вторым стал Джеймс Рокслей, бедняга...

- Его Величество требует к себе капитана Надя, – сообщил Мевен, – незамедлительно.
- Это еще зачем? – вскинулась Матильда. – А кто меня охранять будет?

Внук может лопнуть на своем троне, от Лаци она не откажется. И от поездок в Ноху тоже.

- Из Дайта прибыли щенки, – понизил голос виконт. – Но я вам ничего не говорил.

– А я не слышала. – Подарок или взятка? Взятка бабке от внука, гаже не придумаешь. – И капитан Надя не слышал. Так ведь?

- Не слышал, – заверил доезжачий. – Только зря осенний помет взяли.

– Много мы с Мупой охотились. – Дайтский щенок... Очень много лап и ушей, и еще нос. Любопытный, мокрый нос. Уши падают на глаза, лапы путаются, передние браво маршируют, задние тянутся за передними, не успевают...

- Если подходящая сучка будет, – предложил Лаци, – можно Мупой назвать.

Мупа... Изгрызенное одеяло, загубленные ковры. Ноги то и дело на что-то налетают, что-то жалобно визжит... И ведь знаешь, что у тебя один щенок, а кажется, четыре. Круглое пятно на спине, вечно виляющий обрубок, девять лет жизни и «сонный камень». Со смерти дайты все и началось, со смерти дайты и избрания Эсперадора, но что же у нее в голове второй день крутится? Что-то, связанное с Левием...

– Кобеля возьму, – отрезала Матильда, отгоняя память о теплом, мягком и неживом на смятой постели, – второй Мупы не будет.

Второго не бывает ничего и никого. Все случается только раз, а теряется навсегда. Потеряла с Эсперадором, с кардиналом не найдешь.

- Его Величество просил поторопиться, – на помнил гимнет. – Нужно успеть к приему.

Если б не Мупа, их бы с внуком не было, а те, кого растоптали в Доре, остались бы живы. Вот тебе и собачья смерть.

- Лаци, – скучным голосом напомнила принцесса, – не забудь промять Бочку.
- Я помню, гица, – заверил доезжачий. – Перековать бы его к зиме!
- Надо – делай. – Уберутся они или нет?!

Ее Высочество сунула кочергу в рыжие огненные вихри. Пятый день празднеств, сколько можно... Хорошо, большие приемы отменили, хотя что это она несет?! Хорошо, что погиб Джеймс, солдаты, музыканты, пришедшие за подарками горожане? Уж лучше б все жили, а Берхайма с «Каглионом» она бы вытерпела, не привыкать!

– Ваше Высочество, – сухопарая гофмейстерина пахла лавандой и усердием, – прибыло платье к Приему Молний. Швеям нужно два часа...

- Не сейчас!

– Ваше Высочество, прием начнется в восемь пополудни. Хозяйка Дома Раканов появляется в цветах чествуемого Дома, а швейи...

– Твою кавалерию, я занята! – взревела Матильда. – Мы заняты! Сейчас мы будем писать брату!

Принцесса подхватила бархатную юбку и выплыла из будуара в приемную. С десяток разноцветных куриц с квохтаньем взлетели с насестов. Пистолет бы сюда, заряженный. Или не заряженный, все равно разбегутся.

Шадов подарок остался в спальне, но отступать было некуда: вернешься, набегут портнихи с булавками. Матильда вздернула подбородок и с деловым видом проследовала в кабинет, где не ждало ничего хорошего, кроме остатков тюрегвизе.

Графин с танцующими журавлями был полон до краев. Жаль, полное имеет обыкновенье становиться пустым. Оглянуться не успеешь, покажется дно, а что останется? Бочка да Ласло, но один лягается, а второй лезет с тем, о чем не спрашивают.

Матильда плюхнулась в здоровенное, обитое кожей кресло, передвинула стопку бумаги, тронула не знавшее чернил перо, глянула на графин, но устояла. Часы с крылатыми девицами отстукивали минуты, приближая обед, в окно лезло зимнее солнце, письмо не писалось, а рядом тосковала тюрегвизе, и не думать о ней становилось все труднее.

3

– Исповедь Эрнани не должна всплыть до суда. – Глаза Альдо были усталыми и злыми. – А я не могу отказать кардиналу в посещении Багерлее. Да уж, удружил нам Агарис с Левием! Голубь Создателей, как же! Явился на Совет, грозил отлучением... Не голубок, а гадюка крылатая. В чем я на стороне Франциска, так в том, что он поставил святош на место.

Дикон говорил с кардиналом только раз. После Доры. Левий выспрашивал, как все было, а потом встал и вышел, бросив с порога несколько злых, несправедливых слов. Позже Ричард узнал, что кардинал отправился к Придду – слов Повелителя Скал ему было мало.

– Альдо, – нерешительно произнес юноша, – нужно поймать доносчика. Того, кто сказал Левию про Удо.

– Попробуй, – выпятил губу Его Величество, – только, грохнув кувшин с медом посреди двора, не удивляйся, что мухи узнали. Салигана ты допрашивал при всех, как уводили Борна, видело полгвардии. Кто-то помчался в Ноху, а враг это или просто дурак, только кошки знают.

– Я понимаю. – Если б сюзерен обвинял, было бы легче. – Я не проследил за слугами, а Удо нужно было вывести через балкон.

– Двух глупостей ты все же не сделал, – сюзерен неожиданно подмигнул, – ты проверил слова Салигана и, главное, никому не показал медузью писанину. Остальное мы переживем.

Черновик манифеста, уведомлявшего, что законным королем Талига является Ворон, регентом – Суза-Муза, а Альдо – Та-Раканом, которому граф жалует право копошения до весны, не видел даже Мевен. Другое дело, что Дик спрятал найденную ветром мерзость из-за оскорблений, а сюзерен прочел в пасквиле много больше. Удо Борн знал про исповедь Эрнани и потому был опасен и при этом неуязвим. Судить – нельзя, а в Багерлее повадился Левий. Остается изгнание...

– Его Высокопреосвященство про исповедь не знает, – выдал желаемое за действительное Дикон, – для него Удо – Суза-Муза.

– Нос в это дело он уже сунул. – Альдо с силой ткнул перо в чернильницу, где и оставил. – Дикон, мы не можем рисковать, Борна нужно убрать из столицы. Немедленно. И сделать это придется тебе.

– Конечно, – пообещал Ричард, понимая, что на похороны Рокслея ему не успеть. Долг есть долг, но Катари он снова не увидит.

– Проводишь мерзавца до Барсины, и назад. Сразу же! Ты мне нужен. Леворукий, хотел бы я послать кого-нибудь другого, да некого.

– Я понимаю, – вздохнул Ричард. – Иноходец ранен, у Дэвида похороны...

– Не в этом дело. – Сюзерен вытащил перо и одним росчерком изобразил летящую птицу. Орлана?! – Ты знаешь про исповедь и остаешься со мной. Тебе откровения Борна не страшны, а другим?

– Иноходец не предаст, – зачем-то сказал Ричард.

– Безусловно. – Альдо оттолкнул рисунок. – Но лишние печали ему не нужны. Или ты думаешь, он поверит Салигану?

– Нет! – мотнул головой Ричард. – Я тоже не верил, но ведь Нокс нашел и яд, и печати.

– Для Робера это не доводы. – Сюзерен закусил губу. – Признаться, и для меня тоже. Закатные твари, хотел бы я понять, откуда Удо знает то, чего не знает Робер. Понимаешь, о чем я?

– Нет, – честно признался Ричард. Тащиться на ночь в Барсину не хотелось и еще меньше хотелось видеть бывшего друга.

– А ты подумай, – посоветовал сюзерен, заштриховывая распростертые в полете крылья. – Что, если игры Алисы начались с исповеди Эрнани? Чужеземка собралась построить Талигойю без Раканов, и за ней пошли. Штанцлер говорит, Анри-Гийом влюбился в королеву. Чушь! Ты видел ее портрет? До Катарины и то далеко!

Разгляди сюзерен в Катари лучшую из женщин, они могли бы оказаться соперниками, и все равно стало больно. Больно, что Альдо не разбирается в истинной красоте. Вот Марианна его бы наверняка потрясла. После возвращения из Барсины надо зайти к Капуль-Гизайлям. Рассказать новости, предупредить, что не нужно говорить о Борне.

– Догадался? – Мысли сюзерена были далеки от женских прелестей. – Или подсказать?

– Алиса что-то обещала? – брякнул Дик первое, что пришло в голову. Альдо рассмеялся.

– Эпинэ и так имели все. А теперь представь, если б все узнали, кто на самом деле убил Эрнани? Алиса загнала Гийома в угол. И не его одного. Выбор был прост: или она, или кэналлийцы.

– Исповедь была у Алисы? – не очень уверенно спросил Дик. – Эр Август об этом ничего не знает...

– Или не говорит. Если ты выяснишь, как Удо узнал про эту пакость и где она сейчас, тебе цены не будет. Думаю, ему сказал брат перед восстанием. Тебе тогда было пять лет.

– Шесть...

– В таком случае, прочтите вот это. – Вальтер Придд достал и положил на стол какую-то бумагу, над которой склонились четыре головы. Дикон не видел, что на ней написано, но он видел лицо отца.

– Альдо, – прошептал Дик, чувствуя, что у него в груди все обрывается, – я видел исповедь Эрнани! Вальтер Придд показал ее отцу.

– Ваше Величество, – виконт Мевен в сопровождении четырех лиловых гимнетов замер у двери, – посол Гайифской империи ждет уже полчаса.

– Пригласите, – бросил сюзерен. – Нет, постойте. Пока мы принимаем посла, лично ответьте Борна к Ее Высочеству... Дикон, не забудь потом досказать про Придда.

4

Шпаги у Борна не было; без оружия и белого гвардейского мундира Удо казался удивительно домашним – в пору за ухом почесать.

– Ваше Высочество, – злоумышленник преклонил колени, – счастлив вас видеть.

– А уж как я счастлива, – буркнула Матильда. Желание дать дурню подзатыльник боролось с желанием разреветься. – Явился, значит?

– Явился, – подтвердил Удо, – хоть и под конвоем, зато на целых полчаса.

– А потом? – не поняла Матильда.

– Вон из Великой Талигойи, – ухмыльнулся Суза-Муза, – и горе мне и моим потомкам, если нога наша ступит в пределы.

– А рука? – натужно хохотнул Темплтон. Проводы хуже похорон, на похоронах хотя бы шутить не пытаются.

– Сколько у тебя денег? – пресекла баранью болтовню Матильда. – Не вздумай врать!

– Меня обыскали, – развел руками паршивец. – Корона о моих денежных обстоятельствах осведомлена лучше меня.

Денег нет, это и Бочке ясно. Дать? Удо возьмет. Из вежливости, а потом бросит в первую же канаву и поедет дальше в свое никуда. И Лаци, как назло, нет, чтоб тайком в седельную сумку сунуть.

– Мне нужно обойти посты, – выпалил Мевен. – Дуглас, я преступника на тебя оставляю?

– Оставляй, – кивнул Темплтон, – мы с Ее Высочеством его не выпустим.

– Упустишь, – напомнил Дугласу гимнет-капитан, – не забудь в Багерлее карты захватить, хоть делом займемся.

– Забудете, пришлю, – пообещала закрывшейся двери Матильда, – и карты, и вино.

– Леворукий, – выдохнул Темплтон, проводя рукой по лицу, – выпутались!

– Не ожидал, что отпустят? – повернулся к другу Удо. – Я тоже не ожидал.

– У меня есть тюрегвизе, – торопливо сказала Матильда. – Мы сейчас ее прикончим.

– Тюрегвизе? – присвистнул Суза-Муза. – Моя свобода этого не стоит, хватит вина.

– А тебя не спрашивают. – Ее Высочество лично разлила величайшую из драгоценностей по серебряным стаканам. – Ну, – потребовала она, – рассказывай.

– О чем? – отозвался Удо, глядя в стену между камином и торчащими в углу часами.

– Твою кавалерию, да обо всем, что ты натворил!

– Мне поклясться, что я не трогал Робера? – Будь у Борна на загровке шерсть, она бы встала дыбом. – Извольте, клянусь. Хоть честью, хоть жизнью, хоть Создателем, хоть кошками. Я, Удо из дома Борнов дома Волны, не умышлял против Робера Эпинэ, и не знать мне покоя, если лгу!

– Кончай дурить, – Матильда грохнула початый стакан на стол, – а то пристрелю, ты меня знаешь!

– Знаю. – Лицо Удо окаменело, Придд, да и только. – Потому и ответил. Остальные обойдутся!

– С чего ты взял, что я про Робера спросила? – Вот так смотришь на человека двенадцать лет и не видишь, а он на тебя все это время смотрит и тоже ни кошки не понимает.

– Не про Робера? – Удо на мгновение прикрыл глаза. – Тогда про что?

– Как про что? – удивилась Матильда, разглядывая бузотера поверх серебра. – Про Медузу.

– Но это же просто. – Сквозь лед стремительно пробивалась травка. С желтыми цветочками. – Если б Сузой-Музой не стал я, им бы стал кто-нибудь другой. Дик про медузы выходки кому только не рассказывал, грех было упустить.

– И когда же тебя осенило? – буркнула принцесса.

– В усыпальнице, – лицо Удо вновь стало жестким, – когда решетку кувалдами разносили, а она кричала.

– Ты тоже слышал?! – вскинулся Дуглас. – Я думал, только я с ума схожу, значит, тогда ты...

– Понял я раньше, – уставился в свой стакан Удо, – то есть понял Рихард...

– Так вот вы о чем у Святой Мартины шептались, – начал Темплтон и оборвал сам себя. – Я еду с тобой. Вместе влипли, вместе и вылипать станем.

– Нет. – Удо и раньше ходил на брата, сейчас он стал его отражением, только родинки на щеке не хватало. – Ты останешься. Пока остаются Ее Высочество и Робер. Я бы тоже...

– Куда ты поедешь? – перебила Матильда. – Дуглас, разливай, не копить же.

– Куда? – переспросил Борн. – Для начала в Придду. Альдо не считает север великой Талигойей, значит, я могу туда изгнаться.

– Собрался сдать Волку? – не очень уверенно спросил Дуглас. – Ты до него не доберешься.

– Захочу, доберусь, – заверил Суза-Муза. – Ноймар не Бергмарк, а Рудольф не дурак.

– А ты хочешь? – Тюрегвизе привычно горчила, последняя память о настоящем доме. – Может, в Сакаци?

– Нет. – Когда смотрят такими глазами, уговаривать бесполезно. – До гробницы Октавии я бы просто сбежал, а сейчас поздно под корягу лезть.

– Ты недоговариваешь. – Темплтон казался обиженным. У Дугласа всегда что на уме, то и на языке, или это было раньше?

– Недоговариваю. – Удо устало улыбнулся. – Все даже Эсперадору на морском берегу вслух не скажешь.

– Адриановы комментарии, – блеснула знаниями Матильда, – их только олларианцы признают.

– Я тоже признаю. – Щека Удо дернулась. – Я после Рихарда много чего признал.

– Ты собирался рассказать про Медузу. – Матильда сунула в руку Темплтону стакан. – И вообще, мы пьем или нет?

– Ваше здоровье, Ваше Высочество, – провозгласил Удо. – Будьте счастливы.

– Обязательно буду, – согласилась вдова. – Удо, можешь без оговорок. Ты заговорил с Альдо по-медузы, потому что по-человечески он не понимает. Так?

– Он обалдел от короны, – тихо сказал Борн, – я решил вылить на него ведро воды, пока этого не сделали Савиньяки с фок Варзов. Все сложилось один к одному: моя должность, малые обеды, рассказы Дика... Самым трудным было оставить вне подозрений Придда.

– Вассал Дома Волн защищает сюзерена, – буркнул Темплтон, – ну и на кой? Случись что, Спрут тебе поможет, как его папенька Карлу и Эгмонту.

– Это его дело, – отмахнулся Суза-Муза, – я за других прятаться не намерен. Будь хоть какая-то возможность, Дикон обвинил бы Валентина. Окделлу могли поверить.

– Ну и кошки с ним, – скривился Дуглас, – нашел для кого стараться.

– Тебе Салиган нравится? – Удо одним глотком ополовинил стакан. – Нет? А он, между прочим, так же рассудил. Дескать, кошки со мной, зато сам вывернется.

– Сравнил, – не очень уверенно произнес Темплтон, – ты и этот ызарг.

– Спрячься я за Придда, стал бы ызаргом не хуже. – Борн поставил стакан на стол. – Но в уме этой твари не откажешь. Ловко он меня разгрыз.

– Салиган? – выдохнул Дуглас. – Откуда?

– Видел, как перед приемом я возле кагета прогуливался, вот и сложил два и два, а может, и заметил что-то. Картежники многое замечают.

– И решил свалить на Сузу-Музу Робера?

– Решил. – Удо взял графин и ловко разлил остатки. – И удачно, как видите. Взяли меня с поличным, оскорбление величества у меня на носу написано, получается слово изменника против слова вора. Кому верить? Альдо предпочел вора, тем паче у меня еще и яд нашли.

В приемной что-то грохнуло. Опрокинули стул?

– Прошу меня извинить. – Мевен с неподдельным участием смотрел на них с порога. – Господину Борну пора.

– Я понял, – кивнул Удо, поднимая стакан. – Прощайте, Ваше Высочество. Я ваш должник до смерти и дальше.

Она тоже не забудет. Не брата неизвестного ей Карла и сгинувшего в дурацкой схватке Рихарда, а усталого светлоглазого человека, что был рядом, а теперь уходит. Не в Закат и не в Рассвет, а в края, где алатской старухе не место.

– Мевен, – окликнул Дуглас, – четверо – хорошая примета. Выпьете с нами на дорогу?

– Охотно, – поклонился гимнет-капитан. – Но через десять минут мы должны быть на крыльце.

– Будете, – заверил Дуглас, отливая из своего стакана в чистый. – Подумаешь, коридор и пара лестниц.

– Твою кавалерию, – заорала Матильда, – осторожней, это последняя!

– Тогда, – предложил Мевен, – счастливой дороги, и пусть нас никогда не сведет во время боя.

– Напротив, – откликнулся Борн, – пусть сведет. И пусть мы друг друга узнаем. И пойдем. Потому что, кроме нас самих, у нас ничего не осталось.

5

– Мы бы не советовали гимнет-капитану пить с государственным преступником. – Альдо, хоть и был вне себя, старался говорить спокойно. – И мы бы не советовали гимнет-капитану пить, когда он на службе.

– Гимнет-капитан пьет с хозяйкой дома Раканов. – Ее Высочество вышла вперед. – И по ее настоянию.

– Мы видим. – Сюзерен был холодней зимней воды. – Мевен, мы понимаем, у вас не было выбора. Поставьте стакан и отправляйтесь исполнять свои обязанности, у вас их достаточно.

– Поставь, – кивнула принцесса, – потом допьешь. Твоя тюреговизе тебя дождется.

Для принцессы Удо оставался заигравшимся шутником, она не верила, что Борн хотел убить Робера. Дику в это тоже не верилось.

Мевен щелкнул каблуками и вышел. Ричард мог бедняге только посочувствовать: отказать Матильде было так же невозможно, как не отказать.

– Темплтон, – теперь Альдо смотрел только на Дугласа, – сейчас у тебя есть выбор, через пять минут его не будет. Либо ты отправляешься с Борном к Леворукому, либо остаешься со мной, но измен я не прощаю.

– Я остаюсь. – Темплтон казался пьянее Матильды. – Но Удо мой друг. Друг и все.

– Ты тоже мне друг, Дуглас, – усмехнулся Борн, – им и останешься, куда б тебя ни занесло, но спасать меня не нужно. А вот за остающихся не поручусь.

– Это угроза? – Рука Альдо сжала локоть Дика: кого сдерживает сюзерен, себя или вассала?

– Скорей предсказание. – У Борна хватило наглости смотреть в лицо человеку, которого он предал. – Ты много говоришь о гальтарских обычаях, Альдо, но древние не мстили покойникам и статуям и держали слово. А знаешь почему? Они боялись. Их боги не одобряли подлости.

– Ты... – Ричард рванулся вперед, нащупывая шпагу, но сюзерен его удержал:

– Окделл, это не ваше дело. Ваши люди готовы выступить?

– Да.

– Отправляйтесь немедленно. – Альдо шагнул к Удо. – Я тебя предупреждаю, Борн, Талигойи для тебя не существует. Езжай, куда хочешь. Я не стану брать с тебя клятвы не поднимать против меня оружие, клятвы для тебя ничто, как и совесть, и честь... Но на моем пути не попадайся.

– Не стану мечтать о встрече. – Удо слегка поклонился. – Но менять свой путь по чужой прихоти не по мне. Окделл, я в вашем распоряжении. До Барсины.

Что-то буркнула Матильда, хлопнула дверь, под ногами заструились пестрые алатские ковры. Сухо и зло скрипел паркет, топали полуденные гимнеты, мужчины и дамы кланялись и приседали. Дик кивал в ответ, пытаясь не думать о предателе, которому он имел глупость задолжать целую жизнь. Если б Удо не нашел его в лесу Святой Мартины, если б сам он не стал цивильным комендантом, все бы решила шпага.

– Вы рискуете заблудиться.

– Не ваша забота!

Какие у Триумфальной лестницы светлые ступени, раньше он не замечал. Древние воины с мечами выступали из своих ниш, на стенах блестили трофеи Двадцатилетней войны...

– Я забыл спросить у Альдо, когда он избавится от олларского тряпья. – Удо махнул в сторону гайифских знамен. – Может, знаешь?

– Как ты мог? – С пленными и узниками не дерутся, но можно скрестить клинки в Барсине. – Ведь ты был одним из нас...

– Как я мог? – переспросил Борн. – А как ТЫ можешь?

Говорить было не о чем, но Ричард все же спросил:

– Почему ты назвал Альдо незаконным королем?

– А он законный? – сощурился Борн. – Поклянись.

Лестница кончилась, а вместе с ней и разговор. Полковник Нокс хмуро доложил, что все готово.

– Удо Борн поедет со мной в четвертом ряду.

– Понятно, монсеньор. Джереми привел Сону.

– Хорошо. – Линарцы для дальней дороги не годятся, особенно купленный второпях соловый. Если б не смекалка Джереми, коня пришлось бы бросить, иначе дорога растянулась бы на неделю.

– Монсеньор, мои люди переданы в ваше распоряжение.

– Капитан Криц? – Если Удо вздумает откровенничать при цивильнике, неприятностей не оберешься. – Рад вас видеть. Вы знаете дорогу на Барсину?

– Да, монсеньор.

Три десятка человек, чтобы выдворить одного мерзавца! Ричард хмуро разобрал поводья и вскочил в седло. Вечером прием в честь дома Молний, но Робера не будет, как и Катари. Завтра в склеп под храмом Святого Алана опустят Джеймса Рокслея. Из Повелителей его проводит только Валентин. Знает ли Придд тайну Эрнани? Старый Спрут знал, но где же сама бумага? Лежит в каком-нибудь тайнике или ее нашли Манрики? А если исповедь у Валентина? В Лаик Придд был тихоней, а сейчас всплыл на чужой волне, как тварь с его герба.

– Монсеньор, – Джереми осадил гнедую рядом с Соной, – прошу меня простить.

– В чем дело?

– В Ослином проезде серые... то есть церковники, и на Фабиановой площади тоже. Проповедуют.

– Едем вдоль Данара. Возьми троих, проверишь дорогу.

Идти против Левия рано, пустить его к Удо нельзя, а кого караулят клирики, если не Борна? Ричард покосился на соседа: Суза-Муза как ни в чем не бывало покачивался в седле. Глаза полузакрыты, на лице ничего, кроме сонного равнодушия. И это потомок Рутгерта, брат Карла и Рихарда?! Он же дрался у Святой Мартины, по-настоящему дрался, а потом предал сюзерена, братьев, себя... Или тогда он не знал про исповедь, а узнав, принял сторону струсившего короля и кэналлийского выскочки? Может, и так, но на Робера он руку не поднимал.

– Монсеньор, на Паромной проповедник и двое служек.

С Данара несло сыростью, солнце медленно уходило за высокие каштаны. Направо будет «Золотая шпора», знакомые места... Можно свернуть на Лебяжью, но где три мухи, там и четвертая. Левый стережет выезды, но по ночам спят даже монахи. По ночам проповедовать некому – правом жечь светильники и выходить на улицу обладают лишь дворяне и лекари. Ричард поправил перчатки.

– Путешествовать удобней ночью. Сейчас едем ко мне. Борн, вы меня слышите?

– В последнее время мне не удавалось выспаться. – Удо потянулся и нарочито широко зевнул, прикрыв рот ладонью. – Окделл, у вас не будет со мной никаких хлопот.

Глава 6

Ракана (б. Оллария)

400 год К. С. Ночь с 4-го на 5-й день Зимних Скал

1

Какой урод придумал пихать в рот пороссятам и прочим шукам бумажные цветы, особенно желтые?! Матильда с отвращением отвернулась от мерзкого вида хризантемы, росшей из пасти заливного чудовища, и угодила из огня да в полымя: прямо в лицо принцессе пиялился зажаренный целиком кабан, разумеется, жующий поддельную розу. Для разнообразия малиновую. Принцесса с трудом сдержала рвущиеся из сердечных глубин слова и ухватила за бокал. Ночной пир был в разгаре: августейший внук встречал Зимний Излом по-гальтарски – ни ночи без попойки. Сегодняшняя, четвертая по счету, принадлежала Молниям. Изукрашенный алыми тряпками Гербовый зал галдел, как птичник во время кормежки. Сходство усугублялось тем, что помост для августейших особ возвышался над толпой, как насест.

– Восславим же Дом Раканов, – потребовал сменивший придавленного в Доре Берхайма Карлион. – Восславим же дом Эпинэ, наивернейших вассалов владык Талигойи!

– Мы пьем здоровье нашего Первого маршала. – Внук поднял перламутровый в золоте кубок. Не выручи Эпинэ грабители, сидеть бы бедняге возле рыбьей хризантемы.

– Здоровье Робера Эпинэ, – буркнула принцесса, глотая пахнувший имбирем сиропчик. «Гальтарский нектар», как же! Тинта тинтой, только без касеры!

Имбирь Матильда ненавидела с детства, а теперь им провоняло все вокруг. Это от победы... У всего свой запах – дурная удача пахнет имбирем, подлость – тухлой рыбой, скука – уксусом, а разлука – дымом...

– Его Величество и Ее Высочество пьют здоровье Повелителя Молний, – кукарекнул Карлион. Можно подумать, они с Альдо залезли под стол и их никто, кроме церемониймейстера, не видит. А Карлион счастлив! Еще бы, получил должность и избавился от «годица»... Небось воссияешь. «Каглион» – невелика потеря, а вот Рокслея жаль...

На хорах что-то взвизгнуло. Музыканты. Сейчас начнут дудеть. В Агарисе никто над ухом не пиликал, а гнусные морды можно было запить. Ее Высочество воровато глянула на внука. Внук милостиво озирает подданных, подданные жрали. Матильда торопливо кивнула слуге в алой тунике:

– Настойки! – Тюрегвизе они прикончили, а касеры на королевский стол не подают. – На зеленых орехах!

– Желание Ее Высочества! – Слуга завопил так, что Альдо обернулся. Теперь начнется. И почему на нее никто не нападает, кроме собственного внука? Пристал на ночь глядя со своим пиром, хочешь не хочешь, влезай в золоченые тряпки и ползи. Если б не Удо, видели бы ее здесь, но Альдо Сузу-Музу отпустил, теперь ее черед уступать.

– «Марш Молний», – возгласил Карлион, – во славу Молнии!

Грохнули литавры, раскатилась барабанная дробь, сквозь которую прорвался бравый мотив. Марш был хорош, покойный Алессандри сочинять умел еще лучше, чем лизать задницы.

– Ореховая настойка для Ее Высочества, – сквозь победную медь объявил давешний слуга. Принес-таки!

Золотисто-коричневая нить потянулась в серебряный стакан, напоминая о Левин, Адриане и о чем-то назойливо-неприятном. Ее Высочество смотрела на вожаемое питье, а пить

не тянуло. Такое с ней уже бывало, и не раз. Высунется какая-то гадость из памяти, как клоп из щели, укусит, и назад, а ты думай, из-за чего зудит.

– Ты б еще касеру потребовала. – Внук, наплевав на этикет, занял место, услужливо оставленное покойному деду. Пустых кресел на королевском помосте было пруд пруди. Для великого Эгмонта, для доблестного Борна, для благородных Рокслеев. Не стол, а старушечья пасть, зуб за зубом со свечкой гоняется!

– Оглохла? – не отставал желторотый венценосец. – Или злишься?

– Злюсь. – Матильда отодвинула незадачливый стакан. – Без настойки обойдусь, но имбирь твой лакать не стану. Пусть кэналлийское несут.

– Только поешь сперва. – Заботливый внучек огляделся и рявкнул: – Ее Высочество желает сома!

Значит, сом? Тогда где его усы? У сома должны быть усы, у козла – борода, а у ызарга – хвост!

– Не хотим сома, – закапризничала принцесса. – Желаем молочных ызаргов. В красном вине!

Рожи слуг вытянулись и позеленели, огурцы с глазами, да и только. Альдо прыснул со смеху, но тотчас же нахмурился.

– Ее Высочество шутит. Сома!

– С хризантемой, – не могла унять Матильда. – Я ее кому-нибудь брошу. С галереи.

– С хризантемой, – распорядился внук, глаза его поблескивали, как в Агарисе, когда они, дурачась и хохоча, проедали очередную побрякушку.

– Эх, – пригорюнилась принцесса, – где-то сейчас мой Хогберд?

– Ему только хризантемы не хватает, и хоть сейчас вместо кабана на блюдо, – подмигнул Альдо – видно, тоже вспомнил агарисские деньки. – Ты окажешь мне честь? Покажем подданным, как танцуют анаксы!

В этом платье и с бочкой тинты в брюхе? Как танцуют каракатицы, она показать может, но для этого нужен другой кавалер.

– Я пара не тебе, а какой-нибудь медузе. – Матильда под укоризненным взглядом внука осушила бокал. – Только Сузу-Музу ты выгнал, а Придд со мной плясать не станет.

– Скоро вернется Окделл, – предложил внук, – он тебя устроит?

– Зачем кабану каракатица? – удивилась принцесса. – И вообще хочешь танцевать – пусти сюда дам.

– Нельзя, – вздохнул внук. – На гальтарских пирах присутствовала только хозяйка Дома. Или двух Домов, если один Дом чествовал другой.

– Ты же корону напялил, – напомнила Матильда, – так отмени эту дурь. Хотя чего отменять? Про нее никто не помнит.

– Я заставлю вспомнить, – обрадовал Альдо. – В моей анаксии все будет как в Гальтаре.

– Если не станешь пускать на пиры женщин, – зевнула Ее Высочество, – в твоей анаксии будет как в Гайифе. И очень скоро.

– Ты не понимаешь, – пустил в ход семейный довод Его Величество и поднялся, – и никогда не поймешь. Это дело Раканов.

– Куда мне, – буркнула Матильда удаляющемуся коронованному заду.

Кровь Раканов была сильна. Что дед, что внук, масть разная, а навоз одинаковый. Тявкнут «тебе не понять» и гордо удерут, а чего тут понимать? Ее Высочество придвинула отвергнутый было стакан. И чего она взъелась на эту настойку? Хорошая настойка, очень хорошая!

2

Дикон подавил зевок и перевернул страницу. Живший при Лорио Первом монах Иреней старательно записывал все, что видел, и как же это было скучно! Ричард пробежал одним глазом рассказ о въезде в тогда еще Кабитэлу варитского посольства. Если б не проклятый Павсаний, живший на пятьсот лет раньше, сюзерен был бы в восторге, но кабитэлская эпоха в сравнении с гальтарской – что гранаты в сравнении с ройями.

В Золотой Империи не было места древним Силам. Эрнани Святой, которого следовало бы называть Эрнани-Отступником, сделал все, чтоб забыть истинных богов. Страшно подумать, сколько всего уничтожено, раскрадено, пропало по недомыслию... Сюзерен вынужден собирать древние знания по каплям, по осколкам, по теням, а судьба словно в насмешку отбрасывает то небольшое, что дошло из глубин веков. Меч Раканов, карас, старые книги, где они сейчас?

Дик захлопнул Иреней с его императорами и эсперадорами – пора было собираться. Клирики убрались с улиц на закате, но для надежности Ричард решил выехать после полуночи. Цивильного коменданта пропустят в любое время, а курьеру, даже если это курьер кардинала, придется подождать до утра. Смешно, но Левий со своими шпионами невольно помог, дав всем время на размышление. Днем они бы с Удо наверняка друг друга не поняли, а теперь можно попробовать.

Борн должен оценить благородство Альдо, а если ему напомнить о Рихарде и пообещать отыскать тех, кто покушался на Робера, он одумается. Главное, чтобы Удо именем брата пообещал молчать об исповеди. Такую клятву Борн никогда не нарушит.

Разговор следовало оставить в тайне, и звонить слугам Дикон не стал. Юноша одернул камзол и вышел на лестницу. Золотистый шелк таинственно мерцал, горящие свечи превращали законную тьму в вороненую сталь, и Ричард невольно залюбовался горячими отблесками. Этот дом и эта лестница больше не были чужими, они не пугали, не насмешничали, а улыбались усталому хозяину ласково и ободряюще.

– Монсеньор недоволен? – Вынырнувший из теней Джереми попытался проследить взгляд Дика. – Что-то не так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.